

Юмор
летит

Короткие

Смешные

РАССКАЗЫ

© пензи

5

Марат Хасанович Валеев
Марина Богатырёва
Максим Лазарев
Глафира Знаменская
Нина Левина
Виталий Медведь
Николай Юрьевич Виноградов
Алла Французова
Милена Миллинткевич
Вера Анатольевна Прокопчук
Юмор лечит. Новые
смешные рассказы о жизни
Серия «Юмор лечит», книга 5

дос предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67776893

*Юмор лечит. Новые смешные рассказы о жизни Пятый выпуск
Николай Виноградов, Алла Французова, Вера Прокопчук, Милена
Миллинткевич, Марина Богатырёва, Виталий Медведь, Глафира
Знаменская, Максим Лазарев, Нина Левина, Марат Валеев:*

Аннотация

Место действия: Советский Союз.

Главные герои: простые люди, семьянины и работяги, студенты и разные виды животных.

Сюжет: смешные, казусные и нелепые случаи из реальной жизни.

Однозначно поднимает настроение)

Содержание

Николай Виноградов	7
Глафира Знаменская	27
Вера Прокопчук	37
Николай Виноградов	46
Милена Миллинткевич	62
Максим Лазарев	67
Нина Левина	87
Алла Французова	92
Марат Валеев	102
Виталий Медведь	106
История первая	106
История вторая	112
История третья	115
Марина Богатырева	118
Об авторах	139

Николай Виноградов,

Алла Французова,

Вера Прокопчук,

Милена Миллинткевич,

Марина Богатырёва,

Виталий Медведь,

Глафира Знаменская,

Максим Лазарев, Нина

Левина, Марат Валеев

Юмор лечит. Новые

смешные рассказы о жизни

Пятый выпуск

Издательство Крафтовая литература

* * *

Николай Виноградов

Сочинение Сашки-Индуса

Сашка Царев перешел в шестой класс. Лето для него пролетело, как перемена между уроками. После летних каникул около двух недель ушло только на раскачку. Раннее бабье лето ни детворе, ни самим учителям не давало сразу настроиться на рабочий лад. Ясное солнышко заглядывало в школьные окна, ласково заманивая на улицу поиграть в Хали-хало, в догонялки, попрыгать со скакалкой или в классики на асфальте.

Пестики с тычинками, наименьшие общие знаменатели, древние римляне с гладиаторами – все науки отторгались Сашкиным нутром, как что-то инородное. Ни во что не хотелось вникать; он только ерзал тощим задом за партой, томясь в ожидании конца уроков. Как назло, безжалостная Анна Николаевна, преподаватель русского языка и литературы, а по совместительству еще и классный руководитель шестого «Б», задала писать сочинение на тему «Как я провел лето».

– Вам нужно будет вспомнить какие-нибудь интересные случаи, описать замечательную природу, если кто-то уезжал из города в пионерский лагерь, в деревню или в дом отдыха с родителями, – напутствовала молодая учительница. – Писать нужно правдоподобно, по объему – не менее двух ли-

стов. И, конечно, без ошибок. Буду ставить две оценки – одну за литературу, другую за грамотность. Срок – одна неделя.

«Зашибись! Два листа, очуметь не встать! – возмущалось сознание Сашки. – Читать-то умудохаешься, не то что буквы выводить. Еще и правдоподобно, главное. Хм!»

Дома, уставившись в окно, выходящее во двор, Сашка-Царь начал вспоминать интересные случаи за это лето. С грустью поглядел на небольшую площадку посреди двора, где они еще совсем недавно, а будто бы уже давным-давно, обозначали футбольные ворота кучками камней, собирая их по всей округе.

* * *

«Так и напишу, что родителям на работе с путевками в пионерлагерь не повезло – не хватило. Мамка с папкой свои отпуска еще зимой отгуляли, поэтому все лето проторчал в городе».

Деревни у Сашки не было, его дедушки и бабушки жили где-то далеко, в Уссурийске, на самой границе с Китаем. Он и видел-то их всего один раз в жизни.

В первую неделю каникул в его дворе насчитывалось девять пацанов. Не зная, куда деть и как лучше распорядиться своей заслуженной свободой, с утра до вечера они гоняли в футбол. Потом все ровесники как-то быстро разъехались кто

куда. Остались только трое: сам Царь, его сосед по подъезду Тяга – Витька Тягунов, и Чупа – Сережка Чупарин. Тяга был на год старше Сашки, а Чупа на два. Учеба у Чупы не задалась – как ни корпел, все равно остался на второй год. Единственное, что хоть маленько скрашивало его горькую участь, было то, что теперь они будут вместе с Тягой учиться в одном классе.

Играть в футбол втроем было уже неинтересно. Не найдя лучшего развлечения, они смастерили себе рогатки из резинки от трусов, которой у Чупиной матери в швейной машине лежало так много, что ущерб был совсем не заметен, словно и не убыло. Стреляли мелкими камешками по воробьям, по мишени, нарисованной мелом на стенке какого-то сарая. Но вскоре резинки растянулись, а новых Чупа украсть у матери уже не смог – она, видимо, заметила недостачу и переложила резинку в другое место.

«Тяга как-то раз стырил у отца пачку Примы. Витька уже давно покуривал втихаря. Сначала я кашлял, ощущалась какая-то неприятная тошнота, – вспоминал Царь. – В голове звенело, как в барабане, наполненном табачным дымом. Дня три ходил, словно в лесу заблудился, нечаянно в штаны наваливши. Но через недельку все пришло в норму, затягивался уже по-взрослому, выпускал дым из ноздрей. Даже кольца пускать научился. Мать однажды учуяла запах у меня изо рта и задала хорошую трепку. После этого случая перед возвращением домой приходилось жевать всякую вонючую траву».

– А ты носи с собой пузырек растительного масла, – посоветовал Тяга. – Вот как у меня – маленький, из-под лекарства какого-то. Меня тоже недавно маманя застукала, так я теперь перед домом рот маслом полощу. Один глоток можно и проглотить. Противно, конечно, зато прямо из нутра весь запах напрочь отбивает.

«Потом из соседнего двора к нам стал часто приходиться Жижя – Толька Жижин. Он с Чупой в одном классе учился, но ему повезло, в восьмой перешел, – вспоминал подробности Сашка, продолжая смотреть в окошко. – Бандит на бандите и бандитом погоняет. Он научил нас играть в карты в «свару». Сначала играли на щелбаны – у меня весь лоб в шишках был. Потом стали играть на спички – все коробки из дома перетаскал».

Мать как-то однажды дала Сашке денег на кино, на мороженое, еще и на проезд шесть копеек. В кино он, конечно, не пошел. Наврал матери, что в седьмой раз ходил смотреть «Человек-амфибия» – самый популярный фильм в то время.

«Играли по копейке на кон, и все эти тридцать две копейки я продул за один день», – вспоминал он интересные случаи по совету Анны Николаевны.

Мальчишки прятались с картами за старыми деревянными сараями, ловя кайф, не вынимая сигарет изо рта. Так вошли в азарт, что не заметили, как загорелся ближний к ним сарай. Кто-то из мальчишек, видимо, нечаянно бросил непогашенный окурок. Попытались затушить, но пламя быстро

охватило стену до самой крыши, покрытой толем. Когда загорелись еще и два соседних сарая, пацаны-шкодники поняли, что пора делать ноги – убежали в соседний двор. Вскоре приехали пожарные, мальчишки затесались в толпе и с интересом наблюдали, как тушат сараи.

– Все, хана нам, мужики! Надо срочно на время линять из города, – здраво рассудил Жижа, как опытный бандит. – Если узнают, что это мы сараи подожгли, в тюрьму посадят. Давайте поедем во Вьетнам воевать. До Астрахани доплывем на пароходе, а там уж как-нибудь доберемся, не далеко. Приедем героями, и нас сразу простят.

Такое хорошее предложение понравилось всем. «Мы там быстро всех американцев уьем, без проблем. А главное, в школу больше ходить не надо».

– Бегите домой и возьмите денег, сколько найдете, а то долго не продержимся. Заберите документы и захватите что-нибудь теплое на всякий случай – пиджак, куртку или свитер. Во Вьетнаме вечерами тоже прохладно бывает. Через полчаса встречаемся на автобусной остановке, – распорядился главарь Жижа.

Документов Сашка никаких не нашел. Да их у него и не было вовсе. В выдвижном ящике комода, где в шкатулке лежали паспорта родителей, он обнаружил две зеленые трешницы и один красный червонец.

«Заначка мамкина, – догадался Царь. – Как здесь много, целая уйма! На черный день, наверно, копит».

Его противно мучила совесть, но одну треху он все-таки взял, чтобы не подвести компанию своих верных и преданных друзей. Сунул в авоську легкую куртку, сменил драные кеды на школьные ботинки и сел писать прощальную записку.

«Мама и папа! За меня не беспокойтесь. Я с друзьями уехал воевать во Вьетнам. Приеду героем. Ваш сын, Саша».

* * *

Приехав на речной вокзал, они сложились деньгами. Общая сумма составила целых девятнадцать рублей и сорок четыре копейки. Такой сумасшедшей суммы Царь никогда в жизни в руках не держал. Ближайший пассажирский пароход отплывал из Горького в Астрахань через полтора часа.

– Для экономии купим только один билет, самый дешевый, до ближайшей пристани, – командовал Жижя. – По билету поеду я, а вы взоидете на палубу как мои провожающие.

– Ага, какой умный! – сразу возмутился Чупа. – Нас высадят, как зайцев, а ты, значит, один во Вьетнам поплывешь. Ну уж нет...

– Да какая разница, кто из нас пассажиром будет, – нервно доказывал лидер. – Ну давай ты будешь с билетом, а мы будто тебя провожаем. Нам и на один билет может не хватить. Все равно будем спать в шлюпке. Вон, видите, четыре штуки на верхней палубе закреплены, брезентом накрыты? Залезем

под брезент, и никто нас до самой Астрахани не найдет.

Купили один на всех билет до ближайшей остановки в Чебоксарах. Их восьмиместная каюта (с одной койкой на четверых) находилась на самом дне парохода, где-то возле трюма. Они только один раз заглянули в нее ради интереса и больше не появлялись. Там было очень неуютно, пахло сыростью и едким потом. На оставшиеся деньги купили в буфете пирожков с мясом, каждому досталось по три штуки. Проглотив, как удавы, единственную после завтрака пищу, попили воды из крана в туалетной комнате и пошли изучать пароход.

До ночи шлялись по палубам. Царь облюбовал себе место на корме. Ему нравилось наблюдать в тишине за уплывающими вдаль красивыми волжскими берегами. Тяга с Чупой приросли к стеклянной стене посреди парохода, через которую можно было видеть, как работали мощные механизмы в машинном отделении, вращающие огромные колеса по обоим бортам парохода. Только один Жижа чего-то мухлевал. Все прохаживался по палубам, замечая, в каких каютах пассажиры вывешивают за окна свои авоськи со скоропортящимися продуктами.

– Хватит без толку глазеть на всякую ерунду, путешественники, – выговаривал он своей банде, собрав всех на Санькином любимом месте. – Буфет уже закрыт, да и денег у нас все равно ни копейки не осталось. Жрать хочется, аж брюхо сводит. Ночь уже глухая, все спать завалились. На вот тебе, Царь, ножик. Поднимись на третью палубу – там, по

правому борту, на четвертом окне от кормы висят две авоськи. Срежь их быстренько и тащи в нашу шлюпку. Мы тебя там ждать будем.

– А че я-то сразу? Я боюсь, ни разу еще ничего не тырил. Давай лучше ты сам, – заканючил Царь.

– Ты же не деньги будешь воровать, а жратву. За это сроков не дают, – уговаривал его Жижа. – Все равно каждому скоро придется чиграшить, не милостыню же нам на паперти просить. У тебя денег было меньше всех, вот тогда первым на дело и пойдешь.

Все, конечно, понимали, что Жижа прав. Сашка решил, что лучше уж первому пойти сетки с окна срезать. «Зато потом Тяга с Чупой будут первыми у пьяных мужиков карманы шмонать», – представлял и мысленно уже злорадствовал над ними Сашка.

Он долго не мог настроиться. Страх сковал так, что ноги слушаться перестали. Выкурив сигарету, наконец решился. На палубе стояла мертвая тишина, все пассажиры спали. Тихонько подкрался к нужному окну, резанул ножом и одним махом срезал веревочные ручки авоськи. Его снова обуял ужас. Воришка рванул бегом с места преступления. Всю дорогу Сашке мерещилось, что за ним гонятся. По металлическому трапу прыгал через две ступеньки и быстро оказался у шлюпки. Пацаны уже ждали, выглядывая из-под брезента. Подхватили сетку, и Царь быстро залез к ним.

– Ну че? Как все прошло? – начали расспрашивать паца-

ны.

– Нормально! – едва смог выговорить он, запыхавшись. – Руки только дрожат, как хвост у трясогузки. Покурить бы, а?

– А че бежал-то, как угорелый? Тихонько надо было, – недовольно высказывался Жижа. – Мы твой топот даже отсюда слышали. Всех пассажиров, наверное, разбудил, придурак. А где вторая сетка? Там же две было.

– Когда туда пришел, висела только одна, – оправдывался Царь. – По этому борту больше вообще ни на одном окне ничего не висело.

Подсвечивая спичками, они вынули содержимое авоськи. Пахло копченой вкуснятиной. Развернули два бумажных пакета. В одном был кусок свиного сала, посыпанного солью, а в другом две большие копченые селёдины.

Одна селедина досталась Царю с Тягой, другая – Жиже с Чупой. Уплели за две минуты прямо с молоками, только разжеванную чешую с костями выплюнули. Сало Сашка есть не стал даже с голодухи. Не любил. Из колбасы всегда жир выковыривал.

– Эх, жаль, хлеба нет. Без хлеба что-то уже и сало не лезет, – проворчал Тяга, съев лишь маленький шматочек. – На те, кто хочет, я больше не буду.

Вдруг брезент резко открылся, и Сашку Царева кто-то сильно схватил за ухо.

– Вот они где, субчики-голубчики! – послышались грубые голоса боцмана и трех палубных матросов. – Все, приплыли!

Вылезайте давайте...

До Чебоксар их продержали запертыми в какой-то кладовке. Жижа, когда всех вели по палубе, зачем-то пытался вырваться.

«Ты че, Толян? – высказывали ему потом друзья. – Куда тут убежишь, когда кругом вода? Только кулак под дыхало от здорового матроса схлопотал».

Их разбудили рано, часов в пять утра. Во рту у мальчишек все пересохло. После этой селедки всем страшно хотелось пить. Они попросили, но им показали фигуру из трех пальцев. Мол, терпите.

Пароход причалил в Чебоксарах. На берегу воришек уже встречала милиция на желтом уазике. Увезли в местный детский приемник-распределитель. Там их остригли налысо, заставили вымыться под душем. Переодели в арестантскую робу и закрыли всех в одну общую комнату, больше похожую на камеру. С ними там сидели еще четверо мальчишек. Герои Вьетнама, как бедные ягнята, сразу забились в угол.

– Эй, пацаны, а это мы куда попали, а? Это тюрьма или колония? – спросил у местных Серега, набравшись смелости. – Не знаете, случайно, че нам за кражу авоськи с продуктами присудят?

– За такую фигню могут и ничего не дать, – ответил из глубины камеры какой-то худой пацан, все лицо которого было покрыто прыщами. – Хотя если уже есть четырнадцать, то могут, конечно, и сто пятьдесят восьмую пришить – год бу-

дете чалиться.

Но долго чалиться им не пришлось. Уже на следующий день из Горького приехали их родители и забрали домой. За Царем, Тягой и Чупой приехали матери, а за Жижей никто не приехал, но Тольку тоже отпустили на попечение матери Чупы.

Сашка ждал сурового наказания.

«Ну все, теперь меня мамка всего испорет», – мысленно настраивался он на экзекуцию.

Но его мать, как и матери других пацанов, почему-то улыбалась и радовалась со слезами на глазах. Обрато в Горький ехали на автобусе. Матери всю дорогу о чем-то разговаривали, а герои Вьетнама спали, как счастливые сурки, отделавшиеся за свои подвиги легким испугом.

Шкодливые мальчишки все время боялись, что станет известно, кто поджег сарай, но во дворе о них никто даже не вспомнил. Через неделю Царя отдали в школьный летний лагерь.

– Нечего целыми днями во дворе хмыстать, – объявила мама приказным тоном. – Будешь ходить туда к восьми утра. До шести вечера хоть под присмотром будешь. И смотри у меня, веди себя там хорошо, а то отцу нажалуюсь, он тебе всю задницу ремнем испорет. Там и накормят, и спать уложат на часок после обеда, в разные игры там играть будете.

В школьном лагере Царю совсем не нравилось. Из пацанов одна малышня, девчонки целыми днями прыгали со ска-

калками. Из ровесников был только один Славка Дроздов из параллельного класса, но он Сашке не нравился.

«Жирияга! Целый день сидит на лавочке, как дурак, с какой-то толстой книжкой. В очках еще, главное», – ворчал Царь про себя.

Он все время норовил задеть Дрозда плечом. Толстому мальчишке, видать, это уже надоело, и Жирияга так толкнул плечом Сашку своей массой, что тот чуть не упал.

На четвертый день Сашкиного пребывания в лагере, во время обеда, Дрозд понес к своему столику поднос с борщом, макаронами и компотом. Царь пошел за ним следом и, как бы не нарочно, носком ботинка сначала слегка поддел ступню, а потом наступил Дрозду на пятку. Тот брякнулся на рыбку, уронив поднос на пол и угодив в него лицом. Быстро вскочил, размазал по своей белой рубашке остатки борща со сметаной, стряхнул с очков макароны и сильно пнул задиру в коленку. Сашка аж вскрикнул от боли. Похромал к ближайшему столику, поставил на него свой поднос и пошел давать сдачи.

Девчонки, наблюдавшие за ними, сразу наябедничали директору. На следующий день в школьный лагерь вызвали родителей. На утреннем построении всего лагеря пришлось присутствовать мамам драчунов. Мальчишек выставили на середину для пропесочивания. У Славки была разбита нижняя губа, выбиты два передних зуба, сильно опухла переносица, разбиты очки, а под обоими глазами сияли синяки. Во-

обще все лицо у него опухло, будто пчелы покусали. Глаза сделались как две маленькие щелочки. Царь оправдывался как мог, утверждая, что только защищался. Даже задрал штанину и показал свою больную коленку. Но никаких следов на ноге, к его сожалению, уже не осталось, за ночь успело все полностью зажить. Только под правым глазом сиял небольшой фингал, почти незаметный. Директор лагеря взяла слово и предложила исключить Царева из пионеров. Для этого она хотела прилюдно завязать на его шее красный галстук, чтобы потом снять с позором. К Сашкиному счастью, пионерского галстука в лагере не нашлось. Дебошир отделался лишь объявлением строгого выговора в устной форме с последним китайским предупреждением.

– Ну почему ты таким хулиганом-то у меня растешь, Сашка? – причитала дома мама, вытирая горькие слезы. – Недели даже не смог продержаться. Опозорил на всю школу. Бандитом вырасти хочешь? Смотри, тюрьма по тебе уже плачет.

* * *

Сашка сел за письменный стол и взял черновик. «Правдоподобно, главное. Хм! Попробуй напиши такую правду. У Аннушки сразу все уши повянут».

Через два дня на классном часе он осмелился и решительно спросил у Анны Николаевны:

– А обязательно в сочинении про лето нужно взаправду

все писать? Может, у меня тайна личная есть.

– Так ты что же, Царев, еще даже не начинал? Три дня уже прошло, можешь и не успеть. Смотри, двойку получишь у меня. Я сказала правдоподобно, а не взаправду, – снова стала объяснять учительница, обращаясь ко всему классу. – Свои тайны можете оставить при себе. Сочинение потому так и называется, что здесь сочинять нужно, то есть выдумывать. Сначала составьте план, придумайте интересный сюжет. Вы уже много всяких книг прочитали, надеюсь. Вспомните какого-нибудь своего любимого автора и попробуйте подражать ему. Ты, вообще, Царев, книги-то хоть читаешь? – спросила учительница.

– Иногда! Последнюю, правда, уже давно читал. Забыл про что, – соврал Сашка. Кроме детских сказок, за всю жизнь он не почитал ни одной книжки.

«А зачем читать, – рассуждал он, – время тратить, когда можно просто фильм посмотреть. «Приключения Тома Сойера», например. Отличный фильм, я его целых четыре раза смотрел».

– Вон Людочка, соседка твоя по парте, на следующий же день свое сочинение сдала. Я даже проверить успела, обе пятерки поставила. Молодец, Смирнова, отличное сочинение написала, – похвалила она соседку Царева, в которую он уже давно, еще со второго класса, был тайно влюблен. – Она там описывает, как жила в деревне у дедушки с бабушкой, как они вместе ходили в лес по грибы и ягоды, как помогала ба-

бушке по хозяйству. Даже корову научилась доить. Спроси у Людочки, пусть она тебе подскажет.

Расспросив подробно у соседки план ее сочинения, Сашка пришел домой, быстренько перекусил и сел сочинять, пока не забыл, что ему Смирнова рассказала. В конце их разговора та призналась, что наврала про корову.

– В сочинениях врать можно, но только так, чтобы было правдоподобно...

* * *

Сочинение «Как я провел лето» ученика 6-го «Б» класса Царева Саши.

«Я провел лето очень хорошо. Меня родители отправили погостить к бабушке в деревню, которая находится в Индии. Сначала я доплыл на пароходе по Волге до Астрахани, потом переплыл Каспийское море и добрался до Ирана, а оттуда пешком дошел до деревни деда. Там уже недалеко было, рукой подать.

Индия – это удивительная страна с густотой населения в четыре с половиной человека на один метр. Там весь женский род, начиная с детства, ходит с точками на лбу. Моему бабушке, которого я увидел впервые, оказывается, было уже семьдесят два года. У него кроме папы был еще один сын, но он умер, когда ему было семьдесят лет. В деревне была

очень теплая погода и красивая природа.

Мы с дедом постоянно ходили в лес, в джунгли, за грибами, – сочинял Сашка, вспоминая свой любимый мультик Маугли. – Но грибов мы там не нашли, а только одни обезьяны прыгали по деревьям и качались на лианах, ухватившись за них ногами с длинными пальцами, похожими на мои руки.

Там было очень красиво. Какая красота! Кругом было тихо, как будто все вымерли, но за углом выли шакалы. В джунглях стоял необычайный аромат, и я остановился постоять, чтобы вдоволь нанюхаться. Было много красивых попугаев, которые сидели на деревьях и клевали свои ноги. Еще там было много львов, носорогов и леопардов. Это такие млекопитающие, состоящие из головы, туловища и четырех ног.

Однажды я чуть было не наступил на огромную змею. Оказалось, что это был очень толстый удав. Еще там была река Амазонка, но мы в ней не купались, потому что там водятся много крокодилов и бегемотов, – правдоподобно сочинял писатель, перепутав Ганг с Амазонкой. – А еще в ней водятся хищные рыбы пираньи. Если свесишь ноги с лодки и будешь ими бултыхать в воде, то вынешь их уже обглоданными до костей по самые колени.

Дед всегда брал с собой в лес ружье. Однажды из кустов на меня выпрыгнуло невиданное зрелище, и оно оказалось тигром. От страха моя душа ушла в левый кед, но дед быстро выхватил двустволку и направил дуло прямо на зверя. Тот посмотрел на деда и сразу заревел бешеным голосом. Своим

выражением лица тигр как бы просил пощады, но мой дед не пожалел злого полосатого хищника, шмальнул в него сразу из двух дул и убил наповал. После чего мы сразу пошли домой.

Мой дед был зажиточным крестьянином, имел одного слона, двух свиней, трех буйволов, четырех зебр, пять коз и много другой мелочи, но жены у него не было ни одной. Старая давно померла, а новые, которые молодые, на нем жениться не захотели. А за старых он и сам не хотел выходить.

Однажды, когда я ринулся спать, на меня набросилась одна мысль. Я придумал мыть слона губкой из шланга, – сочинял Сашка, вспоминая передачу по телевизору, где показывали, как моют слонов в зоопарке. – Этот слон был очень добрым, и я его совсем не боялся. Дед нашел его в лесу с больным хоботом, вылечил его и стал жить у него. И еще я там научился доить буйволиху Зорьку. Это такая же корова, только как животное оно было очень большим, со страшной рогатой головой спереди и с четырьмя ногами сзади. После дойки она сразу ложилась спать и дрыхла, как мертвая...

Особенно красивым там был закат. Мы с дедом целыми днями им любовались с большим удовольствием. Дед всегда носил на голове тюрбан. Как сейчас помню, вот он снимает свой тюрбан, а на голове у него только один голый череп, покрытый редкими волосами, и он вытирает его носовым платком.

Так прошли мои летние каникулы, которые мне очень по-

правились. Как же я хочу снова к дедушке в Индию!»

* * *

Анна Николаевна читала вслух всему классу лучшие сочинения.

– А теперь послушайте, что сочинил наш Царев, будущий писатель жанра приключений и фантастики. – Она взяла в руки его сочинение.

– А зачем всем-то читать? – возмутился сразу Царев, густо покраснев, как вареный рак. – Я же только для вас писал, Анна Николаевна.

– А чего ты так испугался? Не мне же одной ты правдоподобно рассказывал про индийскую Амазонку. Пусть все узнают, как ты добирался до Индии, про Шерхана со слоном. Там у тебя много чего познавательного имеется.

Учительница медленно, с выражением читала сочинение, весь класс смеялся, а сам писатель был готов провалиться сквозь землю.

– Если бы ты вообще ничего не написал – получил бы двойку. А так, за труды твои адские, за выбор наиболее трудного жанра социальной фантастики ставлю пятерку. Специально сохранию твоё произведение в качестве образца для будущих писателей.

«Если бы правду написал, ржали бы еще больше. И про сараи бы все узнали», – печально рассуждал Сашка-Индус,

как теперь его стали называть школьные друзья.

* * *

Прошло тридцать лет. Александр Сергеевич вместе с супругой, давно ставшие москвичами, приехали на встречу выпускников школы. Старенькое четырехэтажное здание из красного кирпича казалось маленьким в окружении современных зданий.

– Вот наш милый школьный дворик. Какой же он маленький, оказывается! Едва хоккейная коробка убирается. А раньше мы сюда собранный металлолом и макулатуру складывали. Целые горы были. Однажды с пацанами приперли гусеницу от трактора. Еле дотащили, три квартала волокли, а Анна Николаевна заставила обратно на место отнести, обвинив, что мы ее попросту украли...

Встреча проходила в школьной столовой. Пришли почти все бывшие одноклассники, радостно обнимали друг друга, едва узнавая. Анна Николаевна была уже на пенсии, но все еще преподавала литературу в старших классах.

– Боже мой, неужели это наш Сашка-Индус? – прильнула она седеющей головой к груди Царева. – Настоящий капитан дальнего плавания! Ах, какой мужчина! А это, значит, твоя супруга?! Очень приятно! Я Анна Николаевна, классный руководитель вашего мужа. Погодите, что-то лицо мне ваше знакомо. Батюшки, да это же Людочка Смирнова! Не

узнала, долго жить будешь. Ах, красавица! Значит, Царевой стала. Очень, очень рада за вас. Любовь со школьной скамьи! Ну рассказывайте, как сложилась ваша судьба? А я, Царев, храню твое сочинение. До сих пор все ребята хохочут, когда я им читаю. Не зря я тогда тебе за него пятерку поставила – шедевр. Это ж надо было такое сочинить, творение на века! Еще и вашим внукам интересно почитать будет.

Глафира Знаменская

Друзья попросили помочь им с урожаем

Друзья позвали к себе на дачу. Кроме нас с Толиком желающих собралась приличная компания. Всем вдруг захотелось подышать чистым воздухом и поесть шашлычка. Вылезли из машин, огляделись. На пустыре перед участком Букиных собралось штук двадцать кошек. Галка, которая приехала с нами в машине, вдруг как подпрыгнет на месте, громко ойкнув, и за мою спину сиганет. Она, городской человек в третьем поколении, ужас как боится кошек. Рассказывала: лет в пять ее одна очень сильно напугала, неожиданно выскочив из-под лавочки на детской площадке. Потом два года ребенка от заикания лечили. И зачем тогда, спрашивается, Галка поперлась в деревню?

В ответ на Галкин гранд-батман штук пять кошек также подпрыгнули на месте, но только ойкать и прятаться за чужие спины не стали, а, прижав уши, дали деру. Еще штук шесть ошестинились, оглядели чужаков и с надменным видом покинули территорию. Остальные как лежали в желтой пыли, так с места и не сдвинулись, даже морды повернуть лень было.

– И долго мы тут будем стоять? – переминаясь с ноги на

ногу, поинтересовался почему-то у Галки мой Толик.

– Но вы же знаете, что я ужас как боюсь кошек! – надула напомаженные губы Галка.

– А нам-то что делать из-за этого? Шугать всех кошек? – подал голос кто-то из задних рядов.

Видно было, что это предложение Галке очень понравилось, но высказать это вслух она не решилась.

– Может, просто кто-нибудь возьмет меня под защиту от этих тварей?

Галка, хоть и моя подруга, но делиться своим законным мужем с ней мне совсем не хотелось. Она уже штуки три защитников поменяла. Всё ее что-то не устраивало: то недостаточно денег давал, то предпочитал футбольный матч походу на новомодную выставку, то маму свою больше слушал, чем ее, Галку. Нет, я решительно не хотела рисковать семейным спокойствием. И крепко ухватила Толика под руку, мол, я тоже ужас как боюсь кошек. Это чтоб моему благоверному не вздумалось ненужное благородство проявлять. Увидев, что Толик крепко занят мною, Галка перевела взгляд на другие потенциальные жертвы. Что мне за чужих мужей переживать, пусть их жены сами разбираются!

– Ну пошли, что ли? – ласково посмотрела я на свою небритую половинку и потянула ее, то есть его, Толика, сквозь неровный строй кошачьих к дому Букиных.

Краем глаза я успела заметить, что остальные жены, видно, поняли мой намек и с решительными улыбками разобра-

ли мужей. Галке достался одинокий ботан в очечках с толстыми стеклами. Он все это время сосредоточенно разглядывал пыль у себя под ногами.

Галка, вообще-то, очень избирательная натура и на таких субъектов обычно даже не смотрит. Но здесь была безвыходная ситуация. Вздохнув, Галка подошла к очкарику и, передернувшись (будто в холодную воду прыгать собралась), взяла его под руку. Слух у меня отменный. Я всегда слышу, куда мой Толик заначку прячет. Так что разобрать, о чем болтала Галка со своим кавалером, мне не составило труда.

– Как тебя хоть зовут, защитник мой?

– Федя... А у меня на кошек аллергия, – зачем-то добавил Федя.

Галка только хмыкнула в ответ и, наверняка, еще плечиком дернула. Она всегда так делает, когда чем-то недовольна.

Все разложили вещи и переобулись. Только Галка не захотела и ходила по огороду в туфлях на каблуках. Ну перед кем она фасонить собралась?

Народ рвался к трудовым подвигам. По виду Букиных казалось, они пожалели, что пригласили такую ораву людей. И, в принципе, оказались правы. Кроме меня с Толиком, остальные так называемые помощники о физическом труде на земле имели сугубо теоретическое представление.

Букины поручили нам с Толиком самое ответственное задание: выдали лопату и черный мусорный мешок. Потом ткнули пальцем в сторону четырех картофельных грядок.

Мы поняли их без слов. Набросив пустой мешок на плечи Толика и кивнув ему на лопату, я решительно направилась на фронт работ. Не знаю, как остальные, а у меня не было совсем времени разглядывать окружающих, так как мы с Толиком трудились не разгибая спин. Толик выкапывал кусты, обрывал клубни и кидал их в мешок. А я внимательно следила, чтобы ни одна самая маленькая картофелина не осталась забытой. Еще приходилось постоянно поправлять мешок, чтобы Толику было удобнее туда картофель складывать. В общем, без ложной скромности могу сказать, что команда из нас вышла очень дружная и слаженная.

Чего не скажешь о других помощниках. Кислицыну, самому здоровому из всех мужчин, поручили косить лужайку перед домом. Вооружившись триммером (это такая ручная косилка, объяснил мой Толик), как Рембо пулеметом, и делая вид, что не обращает внимания на других, Кислицын начал стрижку травы. Его жена, в девичестве Блохина, вертелась в опасной близости от косилки. Она якобы помогала мужу, показывала, где трава самая высокая. Ее ничего не пугало: ни жуткий рев, который издавала косилка, ни летящая во все стороны трава. Смотреть на это спокойно я просто не могла.

...Ведь просто подошла к Кислицыной и легонько тронула ее за плечо, чтобы оттащить подальше от опасной косилки. Но Кислицына почему-то как завизжит, как руками замашет! Мне даже по носу двинула. Кровь, конечно, не хлынула, но было достаточно больно. Вот она, людская благо-

дарность! Я немного обиделась и пошла на свои грядки. Тем более заметила, что мой Толик сильно потеть начал – со лба прямо ручьями льет. А он еще пытался все это дело грязной рукой растереть. Выхватила чистую салфетку из кармана и кричу, мол, не трогай, я сейчас.

А то, что от бешеного визга Кислицыной ее муж дернулся и нечаянно скосил два хозяйских розовых куста, это они уже сами виноваты. И триммер, видно, толстыми ветками подавился. Кислицын потом все пытался остроумничать, что это такой арт-декор – наполовину скошенная лужайка и голые колючие палки. Хозяева забрали заглохшую косилку и посоветовали Кислицыным отдохнуть на веранде. Я же говорила, что добром это не кончится!

Галка сначала все по даче дефилировала, модель из себя изображала. А потом ей взбрело в голову помочь. У Букиной выпросила перчатки резиновые и согласие выдрать сорняки на грядке. Хозяева только недавно редиску посадили. Галка овощи, небось, только в супермаркетах видела. Ко мне кинулась спрашивать, где там сорняки. А мне некогда, я Толику помогаю. Он уже весь мокрый у меня. Пот градом! Еле успевала салфетками ему лоб и виски промакивать. Ну я и показала. Показала на редиску, что, мол, ее надо оставить, а остальное выдрать.

...Я же не виновата, что она, дура, напутает, всю молодую редиску выдерет и кучкой около грядки сложит. Еще и хозяйке на своих каблучищах заковыляла хвастать. А что Бу-

кина? Она молча собрала выдранную редиску и грустно так на меня посмотрела. Видно, сочувствия искала. Мне очень хотелось ее поддержать, и я пожала плечами – что, мол, с неумехи возьмешь. А потом показала на Толика. Вот зато как мы трудимся! Уже две грядки картошки собрали. Она понимающе покачала головой и ушла за дом.

Мы с Толиком решили сделать небольшой перерыв. Толик захотел попить воды, а я подошла к народу. Все что-то громко обсуждали возле плодово-ягодных деревьев.

– Да вот, яблоне уже семь лет, а ни одного яблочка еще не дала, – вздыхал Букин.

Я как-то смотрела одну передачу про сад и огород. Там советовали, что если дерево долго не плодоносит, надо постучать по нему топором: предупреждают, мол, если дерево не даст плодов, то его срубят. Дерево испугается и сразу начнет плодоносить. Ну я и рассказала это Букину. Мужики в ответ только заржали. А вот двое сыновей Петровых (им лет восемь-десять, наверное) очень заинтересовались. Они явно скучали среди взрослых. Стали меня спрашивать: а что, действительно деревья слышат и пугаются? Я еще раз терпеливо объяснила детям все, что знала. Потом мальчишки радостно куда-то убежали. А я поспешила к Толику, который снова склонился над грядками и успел опять пропотеть.

...Петровы сами виноваты, зачем было тащить детей на чужую дачу? А я всегда говорила, что инструменты надо хранить в недоступных для детей местах! Это Букиных оплош-

ность. С детей что возьмешь – им бы только пошалить и напроказничать. Начали они, конечно, с той яблони, которая плодоносить не хотела. Порубили ее, надо сказать, от души. А потом для верности и по другим деревьям прошлись. И ведь каждое дерево добросовестно предупреждали, чтобы урожай давало хороший. Только когда они уже по не знаю какому дереву дубасили, их заметили взрослые. Я лично ничего не видела. Мы с Толиком всю дорогу картошкой занимались. Но точно помню, что говорила: стучать по дереву надо обратной, не острой стороной топора, чтобы только попугать. Это мальчишки все напутали. Я так хозяевам и объяснила.

От Феде-очкарика в огороде никакого толка не было. Его поставили следить за шашлыками. Он сиротливо ходил вокруг мангала и время от времени крутил шампуры. Сразу видно было, что шашлычник из него тоже никакой. У него ни картонки для раздува углей, ни бутылки с водой для тушения пламени. Без всего этого шашлык или сгорит, или сырым останется. Я деликатно указала Феде на отсутствие необходимых приспособлений и отослала его за ними.

Конечно, я обещала присмотреть за мясом. Но я же не думала, что он так долго будет возиться. В крышке пластиковой бутылки он, видите ли, отверстия делал, чтобы лейка получилась! А я тут при чем? Ну постояла у мангала. Но это же не мне поручили за шашлыками следить! У меня свой ответственный фронт работ. Тем более Толик мой ни с того ни

с сего на коленках по грядке начал ползать. Думаю, сейчас штаны совсем угробит. Они-то, конечно, походные, но все равно жалко, пригодятся еще... В общем, пока Федя вернулся, от шашлыка остались одни уголечки.

И какой мужичишка оказался противный! На меня свою вину решил свалить. От возмущения у меня даже слов не нашлось. Я просто подошла к нему и стукнула по голове им же принесенной дощечкой. Совсем легонько стукнула. А он возьми да и начни заваливаться. И за мангал горячий сдуру схватился. Естественно, обжегся. А когда руку одергивал, мангал толкнул. Тот и опрокинулся, и вывалил на траву все угли. Видать, дождя давно не было, раз трава так сразу вспыхнула. Но ничего, потушили быстро. Даже самодельная Фебина лейка пригодилась. Огонь до бани дойти не успел – так, крыльцо немного обуглилось, и все.

Наказанные после рубки деревьев, младшие Петровы совсем грустные ходили. Мне пацанов жалко стало. А я еще раньше заметила, что перед забором около участка бродит котенок. Такой пушистый и хорошенький! Показала его мальчишкам – пусть, думаю, поиграют немного, развеселятся. Только предупредила, что тетя Галя ужас как боится кошек, а у дяди Феде на них аллергия.

Петровы-младшие клятвенно пообещали, что и на сто метров не поднесут животное ко взрослым. Вначале дети играли тихонечко в уголке с котенком. Потом не знаю, что они там себе надумали, но, увидев, как Галка забинтовывает Фе-

де обожженную руку, решили, видно, подшутить. Они подкрались к этой парочке сзади и тихонько положили котенка на плечо Галки. Когда Галка повернула голову и увидела у своего носа морду котенка, она просто свалилась в обморок. Только каблучища ее над лавкой торчать остались.

Котенок испугался не меньше Галки и с шипением прыгнул на Федину голову. Хорошо, он был в очках (не котенок, конечно, а Федя), так что глаза не пострадали. Только необожженная рука в нескольких местах поцарапанной оказалась – это Федя так отдирает от себя животное. Очень испугались за Федино лицо. Оно стало фиолетовым и раздувалось прямо на глазах. Спасибо, у Букиных в аптечке нашлись нужные лекарства. Так что Федю относительно быстро привели в порядок. Про Галку в общей суматохе с Федей все как-то забыли. Но потом она и сама в себя пришла. И заикалась-то всего полчаса, не больше.

Я честно пыталась заступаться за мальчишек. Говорила, что дети не виноваты, что просто хотели пошутить немножко. Но Петров-старший как-то странно на меня посмотрел и снял ремень. Тут я заметила, что у Толика к спине прицепился репей, и сразу побежала его отцеплять. А бедным мальчишкам досталось по полной.

Когда уже все разъезжались, Галка сказала, что обратно с нами не поедет, а сядет в машину к Феде. Я, конечно, очень удивилась про себя. Думаю, видно, совсем Галку тоска заела, раз на такого плюгавенького мужичка клюнула. Но виду ей

не подала, а только ободряюще подмигнула подруге.

Попрощаться с Букиными мы с Толиком подошли самыми последними. Я доверительно им посоветовала, что в следующий раз не стоит звать всяких горе-помощников. А вот мы с Толиком сегодня на славу потрудились. Нет, нет, не стоит нас благодарить! Мы просто очень рады, что помогли. Так что, если надо, мы с Толиком всегда готовы. Толик у меня работающий и ответственный. Если ему какое задание дашь, то он делает его очень хорошо.

Толик от смущения опускал глаза и тихонько дергал меня сзади за кофту. В ответ Букин-муж благодарно пожимал руку Толику и дружески хлопал его по спине. А Букина-жена ничего не говорила. Только головой все время кивала. И веком еще как-то странно дергала: то ли подмигивала мне, то ли ей в глаз что-то попало. В общем, думаю, нами она осталась вполне довольной. Мы же с Толиком столько для них сделали!

Вера Прокопчук Как я боролась с врагами советского ВПК, или Нарочно не придумаешь

Это было очень, очень давно.

Динозавры, правда, уже вымерли, но СССР был еще жив, а я была молодая и красивая. Мне была нужна подработка, а лаборатории военного НИИ – лаборантка. Зачем именно она была нужна, я поняла очень быстро.

В первый же день меня призвал к себе шеф, он же завлаб, и спросил:

– Стенгазету когда-нить рисовала?

Чего-чего, а этого добра я еще в школе намалевала столько, что чертям тошно. Я кивнула.

Он нервно дернул плечом и сказал:

– Тут на нас, э-э-э... общественники наехали. Стенгазету им надо, по поводу Нового года. У меня куча срочной работы, а им стенгазету подавай. Что мне, инженеров от работы отрывать ради стенгазеты? Короче, возьми это на себя.

Я взяла. Я очень хотела понравиться начальству и взялась за дело с размахом. Я склеила в рулон десять листов ватмана, изукрасила их снежинками, Дедами Морозами, стихами

и прочей фигней. Газету выносили в коридор пять сотрудников – она еле влезла в простенок.

Шеф был доволен. Он вызвал меня и сказал:

– Тут на нас, э-э-э... общественники наехали. Ты петь умеешь?

– И даже на гитаре играть, – ответила я машинально.

– Отлично. Они хотят конкурс – какая лаборатория лучше поет. У меня куча срочной работы, а тут конкурс, делать им нефиг... Действуй!

Я пошла на конкурс и спела что-то лирическое.

Шеф был доволен. Он вызвал меня и сказал:

– Ты умеешь делать мягкую игрушку?

– Чи-и-иво?

– Тут на нас, э-э-э... общественники наехали. Хотят конкурс всяких поделок.

– Господи, да у вас тут военный НИИ или кружок «Умелые руки»? – не выдержала я.

– А что поделать, – шеф пожал плечами. – Так ты на конкурс давай че-нить, а?

– Рисунки пастелью пойдут?

– Пойдут! – обрадовался шеф.

Я нарисовала, как сейчас помню, на листах формата А3 что-то на тему «комеди дель арте»: на одном была Коломбина возле зеркала, на другом – Пьеро и Арлекин. Качество рисунков было так себе, но в сравнении с тем, что рисовал поздний Пикассо – очень даже ничего. Рисунки имели успех

и даже заняли какое-то место. Шеф был доволен.

Вскоре я начала понимать, кто главный враг советской оборонки. Это были не НАТО, не США, не гадкие шпиёны – нет. Главные пакостники, мешавшие советским военным инженерам жить и работать, были эти самые «общественники». Где они гнездились, я не выясняла, но они делали все, чтобы не дать серьезным людям с головой уйти в работу над военным заказом. Они устраивали какой-то перманентный детсад, заставляя инженеров и физиков петь, плясать, вышивать крестиком и лепить из пластилина ежиков.

Они были, видимо, убеждены, что военный инженер – это такой малограмотный дремучий мужик, которого надо охватить «культуркой», а то так темным и помрет... Переубедить их было невозможно – можно было только нейтрализовать. И вот между этими придурками с инициативой с одной стороны и коллективом лаборатории с другой – бастионом стояла я! Я рисовала, пела соло и хором, плясала, чертила плакаты и бегала лыжные кроссы. Коллектив лаборатории начал воспринимать меня как исключительно полезного человека. Меня даже полюбили.

Но однажды шеф снова вызвал меня к себе. Он выглядел очень озабоченным – настолько, что я подумала: сейчас меня, чего доброго, заставят прыгать с трамплина или ходить по канату без лонжи.

«Без лонжи не буду, – решила я твердо, – я высоты боюсь».

Шеф между тем барабанил пальцами по столу. Затем глянул быстро на меня, снова на стол, опять на меня и спросил:

– Ты трактором когда-нибудь управляла?

Я потеряла дар речи. Только смотрела на шефа глазами, большими, как у лемура-долгопята.

– Тут на меня, э... – он был смущен, – опять общественники наехали...

– А трактор-то им зачем?! – пролепетала я.

– Дык это ж они только зимой нас конкурсами изводят, – пояснил шеф, – а летом у них для нас припасены посадка капусты, потом опять же прополка капусты, потом сенокос, и еще уборка картошки. И вот – говорят, нужен тракторист. Поэтому нужно кого-то отправить на курсы!

– Я гуманитарий, – пробормотала я, – я в железках ни бэ ни мэ...

Шеф всплеснул руками.

– Деточка, ну войди в мое положение! У меня проект горит! Не могу же я снять инженеров и бросить на курсы трактористов!

Мне стало жалко шефа. Я любила его истинно сестринской любовью. Началось это с того дня, как я однажды утром, еще в коридоре, на подходе к лаборатории, услышала взрывы смеха. Зашла и увидела следующее. На двух сдвинутых рядом столах стояли шеф и главный инженер из соседней лаборатории в позе скульптуры «Рабочий и колхозница» с откуда-то добытыми танкистскими шлемами на головах.

– Что это?! – изумилась я.

– А это скульптурная группа «Два танкиста»! – объяснили мне.

После чего я точно поняла, что шеф – наш человек...

Итак, мне стало жалко шефа. Но сомнения меня томили.

– А если я вам трактор в канаве утоплю, – спросила я задумчиво, – это ведь будет нехорошо, а?

– Да кто тебя на него посадит! – махнул он рукой. – Ты, главное, туда походи, поконспектируй. Для галочки. А они, глядишь, и отстанут... – И, словно что-то вспомнив, добавил: – Ты это... оденься как можно скромнее!

– Разве я нескромно одета? – удивилась я, оглядывая свое клетчатое платье с кокетливыми бархатными кармашками.

– Как *можно* скромнее, – повторил он с нажимом.

На курсы трактористов я отправилась, облачившись в черное платье с белым воротничком. Это была наискромнейшая вещь моего гардероба. Платье имело длинную юбку и длинные рукава, при этом пикантно облегало мою узкую талию, высокую грудь и пышные бедра, придавая мне сходство с рано созревшей школьницей, но тогда я по простоте душевной такими мелочами не заморачивалась. Я нашла здание, вошла в класс и осмотрелась.

Первое, что меня ошеломило, – пол в классе был густо запылён шелухой от семечек. Она просто покрывала его, как ковер. В углу класса толпились человек пятнадцать выюно-

шей системы «гопник отморозенный» и дружно грызли семечки с остервенением голодных бурундуков. «Можно подумать, их дома не кормили», – подумала я машинально (сейчас, по здравом размышлении, я думаю, что так оно и было).

– Здрассти, – пискнула я.

Юноши дружно прекратили свое занятие и уставились на меня с каким-то плотоядным выражением.

– Меня тут на курсы п-п-прислали, – прошептала я и попятилась.

– А ништяк чувиха, – одобрительно отозвался один из них, весь покрытый наколками.

– Цецька что надо, – согласился другой, смачно сплевывая на пол шелуху через выбитые зубы...

Вечером того же дня, злобно крутя носом, я обдумывала ситуацию. Вспоминала слова шефа: «Оденься поскромнее!». Ведь знал же, куда посылал! Все знал заранее! Ах он... растакой!

Это требовало симметричного ответа, как говорят люди военные. Я взяла несколько листов писчей бумаги и написала (воспроизвожу по памяти):

«Заведующему лаборатории Имярек1
от лаборантки Имярек2
Заявление.

Я, такая-то, прошу освободить меня от посещения курсов трактористов ввиду того, что сил моих больше нет. По прибытии на курсы меня встретила толпа молодых людей, оде-

тых в мятые растянутые треники и грязные пиджаки. Руки у них были в наколках, а зубы у большинства отсутствовали по причине, вероятно, того, что были выбиты в драках. Большинство из них также имели носы, свернутые набок по той же причине.

Они одобрительно высказались о моей внешности, заявив, что я «клевая телка», «ништяк чувиха» и «бабца что надо». После чего все они сделали мне предложения непристойного свойства. Когда я вежливо ответила им «спасибо, не надо», они стали очень интересоваться моей личной жизнью и выяснять, если ли у меня муж, жених или любовник. Получив отрицательный ответ по всем трем пунктам, они спросили: «А если нет, то какого хрена ты выкобениваешься». Мои попытки объяснить, что я надеюсь встретить когда-нибудь своего истинного избранника, привели к тому, что они возразили: «А мы чем тебе плохи, можешь взять нас всех сразу».

Должна отметить, что моему мировоззрению нанесен серьезный урон. До сих пор мое представление о трактористах было основано на светлом образе, созданном В.Тихоновым в фильме «Дело было в Пенькове». Только теперь я поняла, как искусство далеко от реальности.

Но более всего меня обеспокоило поведение одного из юных трактористов, который, похоже, возымел в отношении меня серьезные намерения. Он оттащил меня в сторонку и стал уверять, что всю жизнь мечтал встретить такую девуш-

ку, как я, и что готов жениться хоть завтра. Будучи человеком не жестоким, я не хочу своим присутствием на курсах подавать ему надежды, которым не суждено осуществиться, и разбить сердце несчастному.

В связи с вышеизложенным прошу освободить меня от курсов трактористов. Я с уважением отношусь к идее необходимости общественных работ, но это уже чересчур. Дата, подпись».

Утром следующего дня я плюхнула заявление на стол шефу, не слишком заботясь о его дальнейшей судьбе. Про курсы никто больше не поминал, меня снабдили коробкой плакатных перьев и отправили чертить какую-то агитку. Однако, проходя мимо дверей соседней лаборатории, я вечером того же дня услышала дружный хохот. Я подошла и прислушалась. Сомнений не было: они читали вслух мое заявление, помирая со смеху.

Как я выяснила потом, еще ранее сотрудники *нашей* лаборатории стащили его со стола у шефа, прочли вслух, уржались и, будучи по природе людьми нежадными, решили, что было бы эгоистично лишить и соседей удовольствия повеселиться. Соседи тоже оказались людьми нежадными. На протяжении двух последующих недель я, передвигаясь по зданию, слышала хохот то за одной дверью, то за другой. Каждый раз причина была одна и та же. Мое заявление, как переходящий приз, мигрировало по этажам и умигрировало куда-то в соседний корпус. Там и затерялось. Не удалось мне

сохранить его для истории.

По итогам вышесказанного что я скажу. Не рассказывайте мне, что СССР развалил Горбачев. Дело не в нем, а в основополагающей идее, которая жрала СССР, «как ржа железо», и в конце концов – дожрала. Не суждено долго жить государству, главная идея которого состоит в том, что можно забивать гвозди микроскопом.

Николай Виноградов

Эх, жизнь моя моряцкая...

Да-а, было времечко! Молодым был, здоровым, как лось. Организм быстро адаптировался к любому климату, и перепады температур от минус пятидесяти до плюс пятидесяти (фифти-фифти) были даже в радость. Кроме одного случая...

Около месяца выгружались мы на мысе Шмидта своими силами. Была уже середина осени, ледовая обстановка стала быстро осложняться, и это был наш последний рейс в полярку по доставке продовольственных товаров, предназначенных жителям Чукотки для их благополучной зимовки. Наш пароход пошел в порт погрузки Вишакхапотнам, что на восточном побережье Индии.

Мы все, конечно, обрадовались. Надоела уже эта холодрыга, хоть пузо на югах погреть. К тому же мимо Гонконга или Сингапура мимо не пройдешь, все равно пресной водой где-то заправляться придется. А там всегда очень выгодно валюту отоваривать – все намного дешевле, чем в других странах. Напокупаешь всякого шмотья, что в Союзе в дефиците, – и фарцануть можно.

Казалось бы, зачем еще прифарцовывать, если и без того не хило выходило? Так ведь жадность человеческая! Как

в народе-то говорят – денег много не бывает. А ты сходи, поплавай по шесть, а то и более месяцев без захода в Союз! Многим никаких денег не надо, свои последние отдадут, лишь бы всегда с семьей быть, а не болтаться щепкой в океанах, кидая смыки во время штормов.

Надо сказать, что проверка здоровья моряков в торговом флоте проводилась достаточно часто, весьма тщательно и серьезно. Не как у космонавтов, конечно, но какие-либо язвенники и трезвенники в это сито не пролезали. Велся строгий искусственно-естественный отбор, и судовой медик на торговом судне являлся практически пассажиром – лечить некого. Бездельник, в обязанности которого вменялось еще и снятие пробы с варева, парева, жарева... короче, с жорева, приготовленного коком для экипажа.

Ну, бездельник – это я шибко грубо выразился. Без доктора на судне, конечно, не обойтись. Мало ли какие несчастные случаи могут произойти – травмы, например. Хоть и редко, но случаются. Это ж я так, утрирую. Не приврешь, говорят, – и рассказа не получится.

Надегустировавшись по своей профессиональной обязанности всех блюд, Док обычно приходил в кают-компанию уже чисто для символики, чтобы только поприсутствовать и пожелать всем приятного аппетита. Еще следил за санитарией, травил-ловил крыс и тараканов, которых чем больше он ловил-травил, тем больше появлялось.

Проработав несколько лет в суровых по трудоемкости

условиях, Док уже так успевал дисквалифицироваться, (как казалось мне, наблюдающему за ним со своей высокой колокольни), что даже в редких случаях появления на борту пациента, например, с повышенной температурой, он давал ему единственные таблетки, название которых еще остались у него в памяти. Держал их наготове от всех недугов, и назывались они «Аспирин». И, что интересно, больные сразу как-то вылечивались и больше никогда не жаловались на свое здоровье доброму Айболиту.

Лекарем у нас была фельдшерица Федосья Марковна, которую все звали просто Фекла. Это была женщина лет сорока с небольшим, полная, невысокого роста. Колобок, одним словом! Самое важное, что сразу бросалось в глаза при взгляде на нее спереди, – большой живот. Можно было даже подумать, что Фекла каким-то образом остановила свою сороканедельную беременность на всю оставшуюся жизнь. (Да простят меня все знойные женщины – мечты поэтов за такой не совсем справедливый шарж. Уж больно я был обижен именно на эту самую Феклу). А при взгляде сзади, кроме самого широкообъемного зада, очень похожего на две огромные круглые подушки, сначала вообще ничего нельзя было заметить.

У любого, кто видел ее с кормы впервые, сразу выпячивались глаза и самопроизвольно изо рта издавался протяжный звук, напоминающий что-то среднее между «Е» и «Ю». Только через некоторое время можно было заметить две ко-

ротких ноги, выросших оттуда и носящих на себе всю тяжесть как самого зада, так и живота. Все остальные части тела занимали не более пятнадцати процентов от общей массы и не особо привлекали внимания.

И что самое главное, для Феклы на судне нашелся-таки добровольный любовник в лице помполита – помощника капитана по политической части. Должность, открыто надо сказать, ни с какого боку-припеку к морю даже близко не относящаяся.

Если Фекла была дармоедом женского пола, то Филипп Арсеньевич (подпольные клички: «Помпа», «Филиппок», «Плешь», «Пузо», «Ромео») – соответственно, мужского. Владелец ленинской плечи имел к Фекле некоторые отношения, которые они оба уже практически и не скрывали. Как выдал во всеуслышание однажды знаменитый перл бывший главный шпион ЦРУ о секретах между США и СССР – «Мы знаем, что они знают, что мы знаем».

Ромео с Феклой тоже знали, что весь экипаж знает, но делали вид, что не знают. Мы знали, что они знают, что мы давным-давно знаем, но тоже делали вид, что ничего не знаем. Когда никто ничего не знает, всем как-то крепче спится. Для всех нас от этих взаимоотношений двух животястых дармоедов была очень большая выгода.

Филиппок-Помпа был очень большой шишкой на судне, и от этого до мозга костей коммуняги любому и каждому легко можно было поймать огромную кучу неприятностей.

Вплоть до закрытия визы на заграничное плавание, даже из-за самого пустячного (в кавычках) нарушения дисциплины, как, например, групповая пьянка в чьей-нибудь каюте с игрой в карты. Или притаскивания с берега во время стоянки в порту в свою каюту женщины, совсем не являющейся даже очень дальней родственницей хозяину каюты. Так как два дармодея своими отношениями тоже замарали гордое имя моряков Советского флота, то главная партийная Плешь на нашем судне на всякие замарания остальных членов команды смотрела сквозь пальцы, а то и вовсе закрывала на них свои коммунистические глазоньки.

Экипаж был дружный, ребята все компанейские. Никто никому никогда не отказывал в просьбе, но все были разбиты на еще более спитые тесные маленькие компании.

Мы больше дружили вчетвером. Старпом Валера имел кликуху «Ковер» за то, что всегда отоваривал свою валюту только в Японии и тратил ее исключительно на покупку ковров, которые потом выгодно сбывал в родной Сызрани. Молодой мужик, лет на десять старше меня, дважды уже имел счастье жениться на сызрянках и столькожды с ними развестись, не прожив ни с одной и пары лет. Первая по приезде его домой в очередной отпуск спела ему свою любимую песню из кинофильма «Человек-амфибия» – «Эй, моряк! Ты слишком долго плавал», подарив Ковру вместе с песней и первые рога. Вторые у него выросли с песней «Море зовет» в исполнении второй жены, которой он потом выплачивал

алименты за дочь.

Второй штурман, по прозвищу Климакс (какую еще более простую кликуху придумаешь, если его звали Клим Аксенович?), был старше меня всего на три года. И имел тогда только одни рога, которые привез из Кустаная, где после развода не появлялся уже четыре года. Родители у него неожиданно-негаданно умерли один за другим, когда он швырял окурки в Тихий океан и даже не смог прибыть на их похороны. Кроме двоюродной сестры, у него там никого не осталось, но после нынешнего рейса он уходил в отпуск, во время которого планировал рискнуть получить вторые панты. Его невеста во Владивостоке уже считала часы до дня долгожданной свадьбы.

Третьим из нашей четверки мушкетеров был мой шеф, начальник радиостанции, Фатих Бурамбаевич по кличке Чуваш, родом из Чебоксар. Мы были с ним самыми закадычными, все было общее, кроме документов и женщин, не считая мелочи. Оба не торопились официально стать сохатыми, хотя Чувашу давно было пора рискнуть, так как он на два года уже перешагнул за возраст Христа. На ключе он работал, мягко говоря, не ахти. Таких радистов обычно называли ковырялками. Он всегда сильно потел, высунув язык во время связи. В общем, как говорится, не дано! Я бы, наверное, коленкой быстрее и чище отстучал радиограмму на любом ключе. Но он был хорош как специалист по радионавигационным приборам, чем я похвастаться тогда не мог. В работе

мы взаимно компенсировали друг друга.

По пути следования наш теплоход должен был зайти на двое суток в родной порт Владивосток за углем, предназначенным для выгрузки в японском порту Фукуока, а потом уже порожняком шлепать в Индию.

За пару суток до подхода во Владик у меня вдруг непонятно отчего заболел зуб на нижней челюсти. Мои друзья, заходя ко мне на вахту для пообщаться и видя, как я мучаюсь, давали мне свои проверенные советы.

– Это у тебя из-за акклиматизации! После севера в тепло попал, вот и заныло маленько, – высказал свое мнение Ковер, – у меня сто раз такое было.

– Какое маленько? – шепелявил я в ответ сквозь зубы. – Каждая точка и тире прямо по нерву бьют, спасу нет.

– А ты лимонные корки вокруг него распихай. Я так делал, помогало. – Это Климакс, с которым мы одновременно несли свои вахты, заглянул ко мне в радиорубку с мостика на пару минут.

– Ну вы тут насоветуете, знахари! Не слушай их. Какой лимон? Это же кислота! Наоборот, еще сильнее нерв раздражится. Его заморозить надо, я думаю. Хочешь, я сейчас принесу из холодильника ледышек? – предложил Чуваш.

– А-а, мне уже все равно! Тащите все подряд, экспериментировать будем. Не к Фекле же за аспирином идти, – отреагировал я на все их предложения.

Но, что удивительно, намазав горчицей десну, напихав в

рот возле больного зуба лимона, чеснока и ледышек из морозилки, через двадцать минут мы уняли боль. От радости я готов был хоть в пляс.

– Друганы, никогда вам этого не забуду! Все! По приходе идем в кабак, я угощаю!

Ну Климакса, понятное дело, невеста с нами не отпустила, но мы и втроем неплохо погуляли. Даже телок сняли и ночевали прямо всеми тремя парами в апартаментах двухкомнатной квартиры, хозяйкой которой была дама Ковра. Старпом с шефом еще оставались на хате, когда утром я побежал проходить очередную медкомиссию, срок которой у меня кончился два месяца назад.

Обходя с бегунком всяких врачей в поликлинике, получив в заднее место достаточное количество уколов в виде различных тропических прививок, я встретил одного моториста с нашего парохода, Витальку по прозвищу Тетеря.

– Тебе сколько уже навтыкали? Четыре? А мне еще только два. Последний такой болючий, гадство, – правая жопина вся отнялась. А тебе еще много врачей проходить?

– Только зубного осталось. Че-то боюсь я в этот последний кабинет заходить, у меня недавно зуб болел из-за смены климата. Найдут кариес какой-нибудь, заставят лечить, а это дня на два минимум. С мышьяком ходить придется, потом сверлить да иголки всякие втыкать будут – пароход уйдет! Меня ведь ждать не станут, другого радиста посадят! У тебя как с зубами?

– Зубного я прошел нормально. Боюсь, ушник завалит. Они там шепчут чего-то, а я не слышу, оглох совсем в этом машинном отделении. Слушай, нас с тобой прямо судьба вместе свела. Давай я за тебя зубы пройду, а ты за меня уши. Мы с тобой даже мордами здорово похожи.

Преступная операция прошла удачно, врачи в медицинские книжки и не заглядывали, чтобы сличить наши фотоморды с подлинниками. Вечером следующего дня мы отходили на Японию.

Уже в Малаккском проливе, по пути в Индию, нам разрешили зайти в порт Сингапур для пополнения запаса продовольствия и забора питьевой воды, а также снятия льяльных и фекальных вод. К причалу нас поставили только на несколько часов, а затем судно должно было отойти на внешний рейд. Все свободные от вахт и работ могли сойти на берег до шести вечера по местному времени, но возвращаться на борт нужно было уже рейдовым катером.

Город-государство Сингапур по своему географическому расположению находится на самом перепутье морских дорог. Все суда, идущие с запада на восток и наоборот, пополняют здесь свои запасы. С середины двадцатого века Сингапур, бывшая колония Великобритании, стремительно превратился в крупнейший мегаполис мира, сплошь застроенный небоскребами. Как крупнейшая мировая перевалочная база, этот порт стал любимым местом наших моряков, так как именно здесь можно было очень выгодно отоваривать

свою валюту.

Парча, кримплен, трикотин, крепдешин, джинса (джинсовая ткань) продавались за сущие копейки. Мода на такие ткани в странах загнивающего капитализма давно прошла, а у нас еще только начиналась, и стоила вся эта тряпча до неприличия дорого. Знаменитый в Сингапуре Малайбазар был настоящим раем для моряков-фарцовщиков.

Нам выдали валюту. В Сингапуре я уже бывал несколько раз и знал, что наш рубль – это примерно три местных доллара. Никто не сомневался, что нам разрешат сюда зайти и на обратном пути из Индии. Поэтому те, кто вдоволь наглазелись на город-базар, стаптывать пятки, блондать по магазинам ленились, экономя валюту на последний заход. А специальных магазинов для русских там было больше десятка, и все они носили названия русских портовых городов, как, например, Владивосток, Находка, Ленинград, Одесса и другие.

Никто из друзей в город идти не захотел. Чуть ли не силком они выпроводили меня, как самого младшего, гонцом за пивом в банках.

– Давай, давай! Мы уже по сто раз здесь бывали, а ты только три. Пивка выпьешь, ноги разомнешь – полезно!

За границей в увольнение всегда положено выходить группами, не менее трех человек. Помпа назначил меня старшим в нашей группе, в которую входили еще Тетеря и самая большая радость – Фекла. До Малайбазара от причала было километра три, поэтому на выходе из порта Тетеря

поймал тачку. Я уже прыгнул на заднее сидение, как Фекла начала качать права.

– Мальчики, вы что, такие богатые? Я на такси не поеду, прогуляться хочу!

Стало сразу ясно, кто в нашей группе старший. Пришлось отпустить такси и шлепать пешкодралом по такой несусветной жаре в ста с небольшим километрах от экватора. Фекла напялила на себя какое-то старомодное цветастое платье, на ногах – белые туфли на каблуке. Выглядела она как фура с прицепом, еле-еле передвигающаяся между нами – двумя фонарными столбами.

К Малайбазару добрались только ближе к обеду. По лицу Феклы тек пот в три ручья, и она уже замучилась отжимать свой носовой платок. За два часа мы не успели пройти даже двадцатой доли пути по базару. Фекла останавливалась у каждого лотка, перещупывала своими толстыми короткими пальцами каждую шмотку, торговалась с китайцами до цента.

Мы с Тетерей выполняли миссию грузчиков и охранников одновременно, как две рабочие пчелки, оберегающие пчеломатку. У нас уже не хватало рук, чтобы держать ее пакеты, коробки и свертки. Похоже, она решила истратить всю валюту, что накопила, депонируя за полгода. Мы уже отчаялись ее оттаскивать от лотков и терпеливо ждали, когда у нее наконец кончатся деньги.

У одного лотка она перемерила больше десятка халатов,

но на ее стройную фигуру подобрать что-либо было невозможно. Торговка-китаянка предложила тут же на месте что-то подшить, где-то распустить, и, когда эскулапша померила последний халат, осталась довольной.

– Ну как мне, мальчики? Нормально, правда?

И дернуло же Тетерю за язык высказать мнение в самый неподходящий момент, когда можно было просто поддакнуть.

– Так-то хорошо вроде, только он вас слишком полнит, мне кажется.

Переварив эту ценную информацию, Фекла скомкала халат и бросила в руки торговки. Та вдруг взбесилась, стала что-то орать по-своему, доказывая, что, она, мол, столько времени угробила, все подгоняла, подшивала, всю лавку сто раз перешвыряла, а ты, мол, такая неблагодарная.

– Руська жопа! – крикнула в гнев торговка и – хрясь Фекле пощечину по толстой роже. У нас с Тетерей от такой неожиданности коробки из рук попадали. Пока мы их собирали, наша соотечественница, задыхаясь от возмущения, заорала, как недорезанная свинья.

– Ах, граждане, русских бьют! Че шуришься тут, китаеза неумытая?! – И так толкнула торговку, приложив всю свою массу, что та перелетела через лоток, снеся с него всю кучу шмоток. Тут из-за шторы сразу возникли два китайских дуба, внешне похожих на японских сумоистов, весом на прикид под два центнера каждый. Фекла хотела было и им за-

дать трепки, но мы смогли удержать ее от такого героического поступка. Кулак у каждого из этих дубов был размером с наши головы.

– Давайте лучше вежливо уйдем отсюда, Федосья Марковна. Зачем нагнетать международную обстановку?

Выбежав на улицу, мы сложили в большую кучу Феклины шмотки и закурили.

– Ну вы покурите пока, а я пойду еще прошвырнусь маленько. Я быстренько, здесь рядом! – На потной щеке у нее красовался багровый след пятерни. Мы молча кивнули в знак согласия.

– Фекла – она и в Сингапуре Фекла! – сделал философский вывод Тетеря. – Да-а, попили мы с тобой пивка!

Тут к нам подошел молодой китаец с двумя худющими молодыми тайками, которые чего-то изображали из себя, пытаясь строить глазки и улыбаться. Сутенер с проститутками, оказалось. Пока мы на пальцах объясняли аборигену, что, мол, нельзя нам, мы из коммунистической страны, да и товар у тебя, мол, с душком, подошла наша пчеломатка. У этого китайского сутенера, когда Фекла повернулась к нему кормой, из гортани вырвался звук, непохожий ни на одну гласную букву уже китайского алфавита. Что-то среднее между «Э» и «Ю», после чего местные аборигены быстренько ретировались.

На пароход мы прибыли самыми последними. Естественно, без пива!

Из Вишакхапотнама, где нас загрузили во все трюмы какими-то костями, которые прели на жаре и воняли, как на скотобойне, хоть нос зажимай, мы двинулись в Японию в порт Осака. На вторые сутки хода ночью попали в приличный шторм, а у меня, как назло, снова разболелся тот предательский зуб. Сначала просто ныл, отзываясь в мозгу тупой болью, потом все чаще из него стали простреливаться импульсы, словно током пробивало. К середине вахты пришлось пристегнуться к креслу, чтобы не улететь и не ботнуться о переборку из-за сильной качки. И так-то все нутро выворачивало, да еще и этот зуб как с ума сошел. К концу вахты я уже ничего соображать не мог, зуб болел так, хоть на стенку бросайся. У Климакса в каюте нашлось полбутылки водки, которой я стал полоскать рот, стараясь сдержаться, чтоб не проглотить. Опустошив бутылку себе унотрь, выждав полчаса, пока шло рассасывание обезболивающего, и убедившись в абсолютной неэффективности этого мероприятия, мы все вчетвером стали думать, что же делать дальше. Мазание десен горчицей, обкладывание больного зуба чесноком, лимонными корками и прочее в этот раз почему-то не помогало.

– Че, и водка не помогает? – удивился Ковер. – Да-а, тяжелый случай! Иди к Фекле, чего еще остается? Может, она сжалится, даст что-нибудь болеутоляющее?

К завтраку шторм почти утих. В девять утра я не выдержал, побежал к Фекле.

Она открыла дверь каюты на маленькую щелку.

– Чего тебе?

– Федосья Марковна, не будет ли у вас, случайно, какой-нибудь болеутоляющей таблетки? Зуб что-то заболел, спасу нет никакого!

– Только аспирин! Надо?

– А больше ничего? Тогда не надо, спасибо!

Когда дверь захлопнулась, из ее каюты послышался голос Ромео-Плешнера.

– Кто это к тебе?

– Да радист, придурок! Зуб у него, видишь ли, заболел! Набрали рахитов!..

– Ну че? Дала?

– А-а, пошла она! Не вовремя сунулся, у нее Плешь в гостях засел! Вот, плоскогубцы у токаря взял. Продезинфицировать бы чем, в масле все.

– Че, без наркоза будешь? У меня бутылка Сакэ-Этиго есть, в прошлый рейс в Токио брал, сорок шесть оборотов! Могу дать, только в Осаке купишь мне такую же, – предложил старпом.

– Давай, тащи!

Рвали сообща. Сначала, как самый сильный, дергал Ковер, но у него с первого раза не получилось, обломал только. Я взвыл, как раненый слон.

– Ты че делаешь? Костолом! Под самый корень надо было захватывать!

– Ну дак... я так и захватил! Извини, у меня что-то руки трясутся!

Я уже сидел почти пьяный, но после первой неудачной попытки пришлось выпить еще стакан Этиго, на всякий случай, чтобы успокоить нервы. Следующим дергал шеф, перед операцией предварительно отглотнув из моей бутылки приличную дозу для храбрости. Но и он весь измучился не меньше меня самого.

– Не хочет вылазить, гад такой! Крепко засел! Надо прямо за десну цеплять, а то опять обломится!

– Дайте-ка я, костоломы! Такого пустяка сделать не могут! – вызвался Климакс. Он уперся ногой мне в грудь и шатал зуб во все стороны. У меня уже кровь ручьем хлестала изо рта, даже орать не мог, был на грани потери сознания от боли. Но второй штурман проявил садистское упорство и выдернул-таки этот зуб. Мне показалось, что Клим Аксенович вырвал у меня не только больной, а сразу все зубы на правой стороне нижней челюсти, а вместе с ними и язык, и всякие железы с аденоидами. Ахая и мыча, я кое-как допил содержимое бутылки.

– Все! Спасибо! Теперь валите все на хрен! Я привык умирать в одиночку...

Эх, жизнь моя моряцкая! Неужели ты взаправду была у меня? Или просто часто стала сниться мне под старость лет? Вернуть бы то золотое времечко да пожить хоть с недельку снова молодым, полным сил и добрых надежд!

Милена Миллинткевич

Однажды поутру

Утро было безнадежно испорчено, и все потому, что сломалась служебная машина.

Такси вызвать – не реально. На троллейбусе – смерти подобно. Автобусы, трамваи – битком.

Торможу маршрутку. К счастью, в нашем городе их много. Сажусь на единственное свободное место, и поехали. На Мира добавляется семь стоячих. Тесно! Духота! Три остановки вжаты в двери парень висит на подножке. Но вот он выходит, и в маршрутку вносит грузное тело женщина лет семидесяти. Подталкивает стоящих впереди животом, так, что они чуть не падают нам на колени, и со всей дури закрывает дверь. Водитель с невозмутимым видом, посмотрев на нее в зеркало, изрекает:

– Дама! Конкурс «Кто громче хлопнет дверью» закончился. Призы розданы.

Хрюкнув, женщина так же невозмутимо отвечает:

– Вот гадство! Опять опоздала!

Дальше – больше:

– Выключите вы эту попсу, – возмущается седовласый мужчина, когда из динамиков Army of Lovers начинает петь бессмертный хит «Sexual Revolution».

– О нет, – возражает женщина в пестрой панаме, – только не Лазарева. Я его дома вынуждена слушать сутки напролет.

Это водитель переключил канал.

– Пойдет! – когда из динамика раздается песня Александра Розенбаума, подает голос с задних мест то ли девушка, то ли парень – по внешности не разобрать.

Слушаем молча, вроде всем нравится. И вдруг...

– Да сделайте уже с ним что-нибудь! Он же в меня упирается. Это неприлично, в конце концов! – согнувшись пополам, в середине салона возмущается длинноногая блондинка в коротеньких джинсовых шортах.

Не знаю, о чем вы подумали, но это – о сумке с ноутбуком.

– Молодой человек, может, вы ко мне на колени сядете? – недовольно бурчит женщина с ярко-красной помадой на губах.

– А можно? – улыбается парень в рыжей футболке, делая вид, что присаживается.

Сзади смеются в голос.

– Тетю, ви шо, с мозгами поссорились? Пукайте в форточку, – морща нос, произносит средних лет одессит, неизвестно каким ветром залетевший в наши края. – Поимейте совесть, я еще жить хочу. А ваша газовая атака портит мне все планы!

– Увидеть Париж и умереть? – язвит парень, сидящий через проход.

– Молодой человек! В мире есть вещи интереснее Пары-

жу! И заметьте, я вашу внешность не оскорбляю, хотя есть куда.

– Мужчина, да сделайте что-нибудь, я через остановку выхожу.

– Водитель! А сдача будет?

– А вы деньги передавали?

– А что, нет? Ой, простите. Но сдачу могли бы передать.

На миг в маршрутке воцарилась тишина, как вдруг с первых сидений раздалось:

– Плебеи!

Статная дама в очках, шляпе и перчатках, поверх которых красуется массивный перстень, кривит носик и прикрывается платком.

– Варвара Филипповна, голубушка, держите себя в руках.

Худошавый мужчина неопределенного возраста отчаянно пытается оградить свою даму от торчащих в проходе сумок и портфелей.

– Мадам! Таки что вы делаете в нашей повозке? Будьте любезны, извольте пересесть в карету типа такси, – расплывается в неотразимой улыбке сидящий напротив одессит.

Дальше – больше...

До моего офиса осталось четыре квартала, и, радуясь, что дорога позади, прошу водителя об остановке. За мое место разыгрывается целая битва.

– Молодой человек, пустите меня сесть, – расталкивает локтями пассажиров дама в сарафане.

– Сядете, когда вас посадят, – не пускает стоящий перед ней парень с аккуратной стрижкой.

– Я вам что, картошка, меня сажать?

– Парень, таки ответьте даме. Ви агроном или юрист?

– Я стюард.

– О! Эта маршрутка летит в Рим?

– Маршрутка не летит, она едет. А точнее, ползет, – вставляет свои пять копеек водитель.

– Стюард, таки куда летим? Ми готовы послушать за ваше предложение.

– Я на внутренних линиях, – смущается парень и пропускает даму вперед.

– Таки нам не по пути. В Анапе карапузы мешали мене впечатляться. Вообразите! Не море, а лягушатник, и покушать нечего – всюду меню для рыбенков.

– Так это детский курорт, – раздается с задних мест.

– Та ви шо? А вот Одесса – курорт на 18 плюс?

– Вам нужно не 18 плюс, а кому за 80, – язвит Варвара Филипповна.

– Шоб ви так жили, как я на вас смеялся! Мне 57, и я мужчина в полном расцвете сил.

– Мама! Там Карлсон.

Девочка, забирается матери на колени и перегибается через спинку.

– А где ваш пропеллер?

Любопытные детские глазенки смотрят на одессита.

– Шо ви меня спрашиваете за пропеллер, деточка?

– Вы же Карлсон. У вас должен быть пропеллер, а на животе кнопка.

– Деточка! Кнопка имеется. – Одессит тычет себя пальцем в живот, указывая на большую пуговицу льняного пиджака. – А остальное... Я еще в прошлой неделе вентилятор в ремонт сдал. Таки эти шельмы сказали, к осени починят. Ви представляете, они так и сказали! Зачем мне осенью вентилятор?

Выходила из маршрутки, вволю посмеявшись, с чувством легкой досады, что моя необычная поездка закончилась.

Возвращаясь с работы и тормозя «газель», я и представить не могла, кого встречу. В маршрутке сидели одессит и Варвара Филипповна с серым мышем. Ой, мужем. На следующей остановке, хлопая дверью, вошла грузная женщина лет семидесяти. Громко пукнув, она уселась на два передних места.

– Тетю! Это опять ви? Я имею вам сказать за мое здоровье. Не надо делать газовый терроризм! Я столько не жил, чтобы ви кушали пирожки на поминках.

Поездка обещала быть веселой.

Максим Лазарев

Красной нитью

Солнце просачивалось через завивающий беседку виноград, словно через дуршлаг, и рисовало на столе замысловатые пятна, сливающиеся в кляксы. Отсвечивала матовой киноварью внушительного размера горка вареных раков на бронзовом подносе, и призывно манила пушистой, белоснежной пеной пузатая, еще советская, пивная кружка. Максим пил пиво. Бормотал фоном телевизор. Рядом за столом ежеминутно что-то строчил в своем смартфоне составлявший компанию сын Сергей.

Вопреки всему лето наступило, а с ним и размеренная дачная жизнь, и впервые в этом году все потекло по укатанной годами колее мироздания. Жужжали трудолюбивые шмели, голосили наперебой в скворечнике над входом в беседку птенцы. Их папа с мамой – упитанный, с взлохмаченным затылком скворец и тоненькая, элегантная скворчиха – без устали носились туда-сюда, в явно бесполезной попытке накормить свою галдящую, вечно голодную свору отпрысков.

Прошла по дорожке походкой профессиональной манекенщицы любимая кошка Соня, в сотый раз наматывая круги по усадьбе в поисках попрятавшихся от жары мышей.

Скосила глаз на пищащий скворечник, недовольно передернула хвостом и деловито пошагала дальше, в направлении огорода.

В огороде не покладая рук трудилась жена. Недалеко от нее, сидя на маленьком, почти игрушечном стульчике, копалась в земле теща. Ее синий шерстяной спортивный костюм, будто снятый с члена сборной команды СССР по биатлону, и ярко красная бейсболка вызвали у Максима улыбку. Он повернул голову и посмотрел на телевизор.

Коротко стриженный, с лошадиной челюстью, то ли депутат, то ли целый сенатор с неброской украинской фамилией гневно обличал зарвавшийся киевский режим. И указывал, махая в воздухе кулаком, черту, при которой, как он считает, наступит тяжелая расплата. Правда, сообщить, кто он вообще такой, откуда взялся и как он лично собирается наказывать негодяев, этот товарищ не удосужился. Он только пучил изо всех сил не испорченные интеллектом глаза и, словно зазубривший одну единственную фразу школьник, упрямо твердил про страшные и коварные «красные линии».

– Стоп, стоп, стоп... Где-то я уже это слышал... А! Точно! Крысин! – И Максим вдруг разразился громким, разрывающим в клочья тихую атмосферу, залиvistым смехом.

Набиривший на клавиатуре телефона очередное сообщение сын чуть не подпрыгнул от неожиданности.

– Пап, ты чего? Чего ты хохочешь?

Унимая с трудом приступ смеха, Максим отхлебнул пи-

ва, вытащил из кучи на подносе большого, мясистого рака и, улыбаясь, произнес:

– Да вон пассажир! – Он махнул раком в направлении телевизора. – Талдычит, как попугай, про красные линии уже десять минут. И я вдруг вспомнил одного старого школьного приятеля. Твой тезка, кстати! – Задумался и, еле сдерживая вновь накатывающий смех, добавил: – Иногда получалось очень забавно!

Предвкушая сочную историю и ловя веселую папину волну, Сергей тоже заулыбался и весело попросил:

– Пап, ну расскажи! Ты же знаешь, как я люблю твои истории! Тем более смешные! Давай! Ну пожалуйста.

– Да легко! Мы же пиво пьем, а пиво всегда требует интересного разговора. Так... с чего начать... Да так прямо с сути и начну!

Сереза Крысин был занятым человечком. Ему просто не посчастливилось родиться вот в это, ваше время. Он был предпринимателем и бизнесменом еще, наверно, в детском саду. Торговал одноклассникам конфеты, впаривал втридорога грампластинки, жвачку, да, в общем, все, что было модно и в ходу. Но сейчас не об этом. Это тема для другого разговора, а может, и романа.

Дело в том, что Сереза не читал книг. Ну то есть абсолютно! Он считал, что тратить время нужно только на те занятия, которые приносят пользу сугубо материальную. А все

эти книжки... Какой с них прок? Вот купить у кого-нибудь редкую книжку, а потом впарить ее за две, а лучше три цены другому – вот это дело! Только такую пользу и может принести вся эта макулатура. Но дело в том, что не читать совсем было нельзя.

Мы ведь не зубрили, как вы, убогие, это дебильное ЕГЭ, а все десять лет писали сочинения. Да, да! По каждому пройденному в школе произведению мы писали сочинения. Плюс на свободные, ну «типа свободные», конечно, темы. Плюс еще четвертные, полугодовые, годовые и выпускные. То есть много писали, тут ничего не скажешь. И разница между любым советским поколением и вашим поколением «пепси» просто огромная.

У нас любой, самый тупой троечник разговаривает до сих пор в сотни раз лучше, чем любой ваш егэшник со ста процентами показателей этих тестов для идиотов. Вы скоро русский язык вообще забудете. А писать грамотно из вас вообще никто сейчас не умеет. А зачем вам? Компьютер-то сам исправит ошибки! Да ладно грамматика! Вы просто писать уже разучились. Ручкой, карандашом, да чем угодно! У вас почерк такой, что наша кошка красивее напишет. Вы же только по клавишам пальцами стучать умеете.

Максим сделал несколько крупных глотков, отломал клешни следующему раку, смачно высосал из них сок, еще отхлебнул пива и, закурив сигарету, продолжил:

– Но я отвлекся. Итак, Сережа Крысин. Я тебе уже рас-

сказал, что он не читал. А читать, хочешь ты или нет, было нужно, чтобы писать сочинения. Сережа подошел к вопросу другим путем. Рациональным. Он тупо зазубрил несколько речевых оборотов и словосочетаний. И главное – он то ли вычитал в газете, то ли услышал по телевизору два предложения. Которые, по его мнению, были универсальны и подходили к любому произведению. Сережа выучил их как отче наш и вставлял в свои сочинения. Не важно, был ли это Пушкин, Толстой или Шолохов.

– Как это? Что же это за предложения такие? Что за штампы?

– А вот тут и начинается самое интересное! Фразы, которые Крысин превратил в свои «универсальные шаблоны», звучали так: «Красной нитью через все повествование проходит...», а дальше следовало дописывать смотря по обстоятельствам. Это может быть «судьба героя», «героическая борьба», «тяжелая (счастливая) жизнь», ну и так далее.

Вторым «крылатым крысинским выражением» было вот такое непростое предложение: «В своем произведении автор мощно и ярко описывает, показывая в мельчайших деталях, профессиональную деятельность...». Дальше тебе уже понятно – дописывается, кого именно.

Первая попытка такого «автоматизированного» способа литературного сочинения прошла просто на ура. Тема подходила как нельзя лучше: сочинение по произведению Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева

«Малая Земля». Это личные воспоминания Брежнева о войне. Точнее, об эпизоде войны.

«Малая Земля» – это плацдарм, захваченный нашими при высадке десанта под Новороссийском. Без всяких дураков героическая операция. Брежнев там провоявал все время этого десанта. Написал под старость лет воспоминания об этом. Ну а наши дебилы из пропаганды, не зная никаких рамок, решили превратить это творение в шедевр. Ну и, естественно, ее в школе изучали.

И вот пишем сочинение. *«Красной нитью через все произведение проходит руководящая роль Коммунистической партии и лично товарища Генерального секретаря Леонида Ильича Брежнева»*. Звучит? А то! Попробуй не поставь пятерку. Да и второе легло, что называется, строка в лыко: *«В своем произведении автор мощно и ярко описывает, показывая в мельчайших деталях, профессиональную деятельность политрука полка Леонида Ильича Брежнева»*. И тут какие могут быть вопросы? Словно диктор из телевизора или с передовицы газеты «Правда». «Ура! Система работает», – прокричал Сергей и полностью уверовал в свою гениальность. Дальше было, правда, не так гладко...

Представь. Класс пишет сочинение по роману Достоевского «Преступление и наказание». Сергей слагает строку, выводя в тетрадке: *«Красной нитью через все произведение проходит убийство...»*.

– Блин! Кого он там убил-то? – Крысин повернулся к со-

седке по парте: – Слышь, кого там этот Раскольников грохнул?

– Старуху-процентщицу.

– А... ну да, ну да... А чем убил?

– Топором.

– Ни фиги себе. Как Мосгаз прямо.

Он продолжил: *«Красной нитью через все произведение проходит кровавое и жестокое убийство старушки»*. Слово «процентщица» было сложным – сплошные то ли «е», то ли «э», и оно, естественно, исключилось. Дальше – больше. Следовало написать про профессионализм. Сережа опять к соседке по парте:

– Слышь, а кто там еще-то был в книжке?

– Соня Мармеладова и Порфирий.

– Они кто? Кем работали?

Девушка слегка покраснела, замялась и ответила:

– Порфирий был следователем. И вообще, отстань! Дай писать спокойно.

– А... понятно. Спасибо, – ответил Сергей и стал рассуждать: – Ментом, значит, был. Он-то, наверное, этого Мосгаза и поймал. Ну тут все ясно. А то великий Достоевский у них... Писал чувак детективы про маньяков и ментов, так бы и говорили, а то «классика, классика». Про маньяка и я, может, прочитал бы.

И он начал выводить любимое предложение:

«В своем произведении автор мощно и ярко описывает,

показывая в мельчайших деталях, профессиональную деятельность Сони Мармеладовой и следователя МУРа товарища Порфирьева».

Сереза стал вспоминать детективные фильмы и фразы из них. Всплыло в памяти немного, но одно все-таки отыскалось и было однозначно в тему: «леденящее кровь убийство». А еще он вспомнил надпись на доске почета, рядом с отделением милиции: «Они стоят на страже закона и порядка».

Сереза добавил эти высокохудожественные слова в свой нетленный текст, прочитал и удовлетворенно улыбнулся – высокий слог поражал.

«Красной нитью через все произведение проходит кровавое и жестокое, просто леденящее кровь, убийство старушки-пенсионерки, ветерана труда».

«В своем произведении автор мощно и ярко описывает, показывая в мельчайших деталях, профессиональную деятельность Сони Мармеладовой и следователя МУРа товарища Порфирьева. Эти люди стоят на страже закона и порядка».

В этот момент Федор Михайлович Достоевский наверняка перевернулся в гробу. Он даже и не предполагал, что написал кровавый триллер с элементами порнографии. Ну а как еще можно понять «показанную в мельчайших деталях профессиональную деятельность Сони Мармеладовой»? Ведь Соня вообще-то работала проституткой.

На разборе итогов учитель не стал ругать Крысина, а, задумавшись, просто спросил:

– Сергей, ты правда читал роман?

– Конечно! Даже два раза!

– Два раза?! Н-да... Я впервые сталкиваюсь с такой интерпретацией Достоевского. Конечно, Федор Михайлович по-разному воспринимается многими людьми. Но так?! Н-да... Ну ладно, садись. В этот раз тройка.

Сергей был счастлив и горд. Ну а как еще?! Он, в отличие от всех, не прочитал ни строчки про этого маньяка и, не напрягаясь, написал на тройку. Ничего! Тройка – это нормально. Главное, не двойка, и не надо переписывать. А тройка... Ну что «тройка»? Вон отличники и те в этот раз только по четверке получили. И учитель сам сказал, что Достоевский – это трудно. Так что ничего! Система работает!

Дальше было сочинение по «Войне и миру» Льва Николаевича Толстого. Первое из трех. Да, да, сынуля, по «Войне и миру» писали аж три сочинения. Первое было про князя Андрея Болконского и Пьера Безухова...

– Слышь! Подскажи, а что написать-то про Болконского? Я читал, конечно, но там много всего. Вот ты про что пишешь?

– Я про дуб.

– В смысле про дуб?

– Ну там есть, когда... ну типа Болконский разговаривает с дубом... Ну там много всего... сложно.

– А... понял. Спасибо. – Для Сережи все стало ясно и прозрачно. – И чего там сложного? Ну разговаривает чувак с дубом. У меня вон батя, как нажрется, тоже с телевизором разговаривает. – И Сережа уверенно вывел фразу. Подумал минуту, расцвелил ее красками и опять спросил соседку:

– Слышь? Не хочу про дуб. Посоветуй, про что написать.

– Ну напиши про измену жены Пьера Безухова Элен. Про Наташу Ростову. Или про высший свет.

– А... понял. Спасибо. – И Сережа с упоением вывел спасительную фразу.

Прочитал, проверил ошибки и стал все аккуратно переписывать в чистовик красивым почерком. Закончив переписывать, он откинулся спиной на спинку стула, гордо оглядел согнувшихся над тетрадками одноклассников и, очень довольный сам собой, еще раз прочитал, смакуя каждое слово:

«Красной нитью через все произведение проходят постоянные разговоры Андрея Болконского с дубом и другими деревьями, что и является главным смыслом романа Л. Н. Толстого "Война и Мир"».

Ну и, конечно, коронка: *«В своем произведении автор мощно и ярко описывает, показывая в мельчайших деталях, профессиональную деятельность высшего света в составе Пьера Безухова, Наташи Ростовской и других. А также тайную половую связь и другие любовные похождения жены Пьера, Безуховой Елены, и ее любовника».*

Учитель, почесывая в затылке и еле подбирая слова,

вкрадчиво вещал:

– Сергей, у меня второй раз такое чувство, что мы читали с тобой разные книги. Нет, я... конечно, приветствую личное восприятие! Но не настолько же, ей-богу! У меня такое чувство, что та книга, которую ты читал, это даже не одна, а две книжки. Одна из них была про жизнь древних друидов, а вторая, наверное, отчетом начальника милиции города о задержании преступников-гастролеров в свете решений Пленума нашей Партии. Я не буду ставить тебе двойку. Пока не буду. Но через неделю ты должен исправиться. Будем писать сочинение, еще одно по «Войне и Миру», но тема легкая – Бородино. Я даю тебе шанс исправиться. Подготовься, пожалуйста. И я тебя прошу, давай как-то... Нет, я понимаю, что у вас такой возраст... Тестостерон, и все такое... Но давай без этой порнографии, пожалуйста.

Крысин сделал серьезные выводы и действительно подготовился. Тема и в правду была выигрышная. Бородинская битва. В этот раз он даже не дергал соседку по парте, а все написал сам. Да, он подготовил шпаргалку, но даже если бы ее отняли, то не поняли, зачем ему такой длинный список чьих-то фамилий. Но в итоге все сложилось очень даже хорошо.

Система в этот раз не подвела, и шаблоны звучали так: *«Красной нитью через все произведение проходит героическая борьба русского народа с французско-фашистскими захватчиками»*; и *«В своем произведении автор мощно и яр-*

ко описывает, показывая в мельчайших деталях, профессиональную деятельность великого полководца фельдмаршала Кутузова и всех генералов, офицеров и солдат русской армии».

А дальше шел пофамильный список русских генералов на двух тетрадных листах в столбик. С указанием полного имени, отчества, фамилии и звания. Спорить с характеристикой, данной Крысиным Кутузову, учитель не решился, а двухстраничный список впечатлял любого. Он только слегка пожурил за фашистских захватчиков, но списал это на возбуждение. И присовокупил минус к четверке за «сухость изложения», но отметил при этом глубокое погружение в материал самой Бородинской битвы.

Сергей Крысин ликовал! Девятый класс закончен на позитивной ноте, система его не подвела.

За лето Сережа хорошо отдохнул на ниве стяжательства и фарцовки и новый, выпускной год встретил полный сил и с набитыми жвачкой карманами.

Первый гром грянул уже скоро. Грянул так громко, что едва не прибил самого Сережу Крысина, и, в общем-то, поставил жирный крест на литературном творчестве технологически продвинутого писателя.

– Так, попрошу внимая всех! Урок не окончен. Еще пять минут. Лазарев! Тебя тоже касается! Я понимаю, что ты уже все прочитал, но послушай и ты меня! Батраков! И ты послушай! Списать у Лазарева в этот раз не получится. Итак, вни-

мание! Я вижу, что вы хорошо отдохнули за лето, загорели, набрались здоровья и сил. И поэтому у меня для вас хорошая новость. На следующем уроке пишем сочинение по произведению Леонида Ильича Брежнева «Возрождение». Это городское сочинение, и от его оценок многое может зависеть в полугодовой, а значит, и в годовой оценке. Пишем два урока подряд, без перемены. Никаких выходов в туалет, чтобы прочитать шпаргалки, не будет – на уроке будет сидеть комиссия горноб. Тогда почему я сказал, что новость хорошая? Подумайте сами. Мы начинаем изучать советских писателей. А это и «Мать» Горького, и «Поднятая целина» Шолохова, и «Молодая Гвардия» Фадеева, и Твардовский, и современные писатели. Книги большие по объему, сложные. Городская работа по ним далась бы многим гораздо труднее. А воспоминания Леонида Ильича не такие большие по объему. И проработать их вы сможете более подробно.

Было видно, что учитель тщательно подбирает слова, стараясь не допустить двужначных толкований. Он снял очки, устало протер глаза. И, скосив взгляд на Крысина, добавил:

– Особо обращаюсь к тем, кто любит выставлять свое мнение о прочитанном на первый план и не обращать внимания на мнение других... скажем так, критиков. Этим нашим товарищам я говорю, что данное произведение – не место для выставления своего личного «я», наплевав на сам смысл книги. В данном случае стоит прислушаться к мнению ВСЕГО нашего советского народа и не противопоставлять себя ему

своим вариантом прочтения. Ну а главное – нужно просто ПРОЧИТАТЬ произведение! Надеюсь, это всем понятно. У вас пять вечеров и воскресенье. Более чем достаточно, чтобы прочитать, подготовиться и в итоге написать на пятерку. Готовьтесь! Урок окончен.

Проникновенная речь учителя произвела на Сережу Крысина должное впечатление. Только впечатление это было несколько другим, нежели то, на которое рассчитывал учитель...

Сережа прекрасно помнил, что в прошлый раз Брежнев принес ему хорошую оценку, так почему бы не повторить успех? Учитель же на это и намекнул лично ему. Это его тема! Красная строка ляжет на дорогого и любимого как нельзя лучше!

Ежедневный бизнес не оставлял ему времени на бестолковое чтение бесполезной литературы. Но сама жизнь помогала Сереже, даря неожиданные подарки. Как-то, возвращаясь домой, он увидел идущего и погруженного в себя Леху Прозорова. Тот возвращался из вечерней художественной школы и нес под мышкой увесистый и объемный том. Даже издали было видно, что книга серьезная.

– Лех, привет!

– Привет.

– Че это у тебя за талмуд? Телефонный справочник?

– Нет. Это про эпоху Возрождения. – Леха показал обложку фолианта с золотым тиснением: «Возрождение».

– Да ладно! Такая огромная? Я и не думал, что она такая большая... А скажи, Лех, ты в этом возрождении нормально шаришь?

– Ну так... Вот взял почитать, чтобы лучше понять...

– Ага. А скажи тогда, кто там был? Ну какие персонажи?

– Ну их много было...

– Ну главные какие? Самые, так сказать, вожди?

– Ну я не знаю... Тебе из какого возрождения нужно?

– А чего, их несколько, что ли, этих возрождений?

– Конечно! Раннее, высокое и позднее.

– Ах вот оно как... Понятно. Ну ты из всех скажи. Самых, так сказать, лучших. Героев, так сказать.

– Так... Тициан. Веронезе. Боттичелли. Ну и Леонардо, конечно!

– Подожди! Я запишу. – Сережа достал авторучку и быстро написал на руке перечисленные фамилии.

– А скажи, Лех, они что, все итальянцы, что ли?

– Ну да. Итальянцы. А что?

– Да нет, нет. Ничего. А что, кроме итальянцев там никого не было?

– Ну почему? Дюрер, например, был. Он немец.

– А наших не было, что ли? Русских?

– Ну тут все сложно... Считают Андрея Рублева нашего, что он тоже возрождение. Но я не...

– погоди, Лех, я запишу, – перебил его Сережа и что-то написал на руке. – Ну спасибо, Лех! Побегу. Нужно же к со-

чинению готовиться!

– Ага. Нужно. А я еще и не читал даже. Сейчас приду и буду читать.

– И думаешь успеешь?

– Конечно успею! Чего там читать-то?!

– А... ну да, ну да... Ну давай! – Сергей покосился на увесистый том и про себя подумал: – Это кем нужно быть, чтобы такую бандуру прочитать!

У своего подъезда Сережа встретил соседа по дому и одноклассника Чибу.

– Чиба, ты «Возрождение» Брежнева прочитал?

– Ага. Прочитал.

– Прочитал?! – Узкие глаза Сережи на секунду превратились в полтинники. – Такую толстую книгу прочитал?!

Чиба захохотал:

– Ага, такая толстая, что пипец! Еле осилил!

– Чиба, а ты все понял? Ну в книге? Ты знал, что возрождений три штуки было? Во-от! Не знал! А говоришь, изучил! Давай лучше я тебя погоняю по материалу, как Тимофей наш говорит?

– Ну давай, – ошарашенно произнес Чиба. Про три возрождения он, естественно, не ведал ни сном ни духом.

– Скажи, Чиба, что делал лично Леонид Ильич в книге?

– Восстанавливал металлургический завод.

– Так... Допустим. А еще?

– Серый, ты чего, совсем, что ли? Там дофига всего, что

восстановили! Пошел ты на хрен! А я иду в футбольничик играть. Все наши собираются. Макс, Жека, Батрак, Юсик. И ты давай не умничай! Прочитал сам – молодец. Чего других мучаешь? Лучше подходи на площадку – погоняем. Всё, давай! Я пошел. – И, стуча мячиком об асфальт, Чибя потрусил за дом.

Довольный собой, Сережа пришел домой. Смерил взглядом стопку новеньких пластинок группы «Арабески» в углу, которые завтра должен был продать одному челу из 62-й английской школы и получить тридцать рублей навару, который принесет через неделю еще пятнадцать (а там можно и на джинсы замахнуться), и довольно усмехнулся:

– Не знаю, какое там у кого возрождение, первое или последнее, а у меня – точно высокое!

Настал «судный» день. Учитель вывел мелом на доске тему: «Трудовой подвиг советского народа в повести Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева “Возрождение”». В повисшей тишине было слышен только шелест листов тетрадей и дыхание склонившихся над ними учеников.

Сергей, довольно улыбаясь своей хитрой фирменной улыбочкой, тоже вывел давно подготовленные предложения. Он не стал терять время на черновики, а сразу начал писать в чистовую. Он решил по-быстрому закончить эту дурацкую литературу и слинять со второго урока. Его ждали куда более важные дела. Пятерка и так гарантирована, так чего время

тратить на всякую «лабуду»? Почерк у него был аккуратный и красивый. Что называется, поставленный почерк.

И выглядело сочинение действительно красиво – никаких залезаний на поля, каждая запятая и точка на своем месте. И ни одной помарки или кляксы. А каков язык! Крысин закрыл на минуту глаза, представляя, как его сочинение печатают на передовице газеты «Правда», и с удовольствием перечитал.

Шедевр гласил: *«Красной нитью через все произведение проходит героическая деятельность Леонида Ильича Брежнева в эпоху раннего, среднего и позднего Возрождения. Вместе с товарищем Андреем Рублевым Леонид Ильич беззаветно отдавал все свои силы и весь свой талант для восстановления металлургического завода».*

Ну и, конечно, «домашняя заготовка»: *«В своем произведении автор мощно и ярко описывает, показывая в мельчайших деталях, профессиональную деятельность как лично товарища Л. И. Брежнева, так и кропотливую работу своих товарищей, итальянских коммунистов. Их имена навечно вписаны в историю нашей страны: Тициан, Веронезе, Боттичелли. И, конечно, Леонардо! Но мне хочется отдельно отметить деятельность немецкого коммуниста, героя немецкого сопротивления товарища Дюрера. Их трудовой подвиг останется навсегда в наших сердцах».*

Чтобы описать все, что было потом, нужно потратить еще три часа!

Брызгала слюной, как хороший краскопульт, Бронислава Михайловна – учительница истории и по совместительству парторг школы:

– Я никогда не видела такого вопиющего цинизма! Такой пошлятины и издевательства над нашей любимой Партией и всем советским народом! Лично мне этим сочинением плюнули в душу! – И она выдала в лицо стоявшей рядом директрисы такую огромную порцию слюней, которую, наверное, и получила ее душа. Ей поддакивала, потрясывая похожей на мочалку мелкокучерявой головой и шмыгая вечно сопливым, огромным прыщавым носом, освобожденная секретарша комитета комсомола:

– Мы должны каленой метлой выжигать в наших рядах такие личности, как Крысин! И гнать их поганым железом из комсомола!

Еле сдерживался, чтобы не заржать гомерическим хохотом, учитель Валентин Тимофеевич. Он то снимал запотевшие очки, то опять надевал их и все время сморкался в большой, словно портянка, платок, давя в себе накатывающие приступы безумного смеха.

Из комсомола Сережу не выгнали, но больше сочинений сам он не писал. Никто ни в педсовете, ни в ронó больше не хотел рисковать. Ведь непонятно, что этот Крысин еще напишет...

Теперь каждый раз учитель, получивший за все произошедшее строгий выговор и чуть было не отправленный на

пенсию, приносил ему образец сочинения, и Сережа спокойно списывал. Тройка ему была теперь гарантирована!

А Сережа Крысин сделал свой вывод. Он считал себя победителем. Его система сработала. Тройка у него в аттестате есть. Голову ломать больше не надо. А главное: читать-то его так никто и не заставил!

– Вот такой рассказ, Сережа.

– Пап, это все реально правда? Или ты придумал? Ну это реально классно и поэтому не может быть правдой!

– Эх, сынуля... Помнишь, как у Шекспира? «На свете много, друг Горацио, такого, что и не снилось нашим мудрецам».

Нина Левина

Сложный выбор

Вспомнил я об одном случае, произошедшем со мной в конце восьмидесятых годов прошлого столетия. В то время снабжение товарами городов и деревень происходило по мудрой советской системе. Не знаю, кто ее так толково составлял, но при жутком дефиците хороших импортных вещей в городских универсамах те же самые вещи могли месяцами лежать на полках деревенских магазинчиков.

Действительно, кому из жителей села с грунтовыми разбитыми дорогами, щедро украшенными коровьими лепешками, могло прийти в голову покупать югославские сапоги на каблуках или чешские модельные туфли? То же самое касалось парфюмерии. Почему-то среди колхозниц и доярок совершенно не пользовались спросом импортные духи, сметаемые с полок магазинов в городе. Коробочки с «Шанель», «Фиджи» и «Пани Валевской» без нужды пылились в витринах сельмагов. Куда большим спросом пользовался одеколон «Гвоздика», спасающий от комаров.

В сельских магазинчиках можно было приобрести собрание прекрасных книг, хрустальные вазы, тюлевые занавески, элегантную обувь и прочие вещи, совершенно невостребованные в нехитром деревенском быту, но регулярно постав-

ляемые в местные торговые точки по распоряжению великих умов в правительстве.

Мне хорошо была известна подобная система распределения товаров, и я иногда отправлялся в поездки по пригороду: с одной стороны – приобрести дефицитные вещи, а с другой – отдохнуть морально от столичной суеты. В одной из поездок мне составили компанию полковник КГБ по имени Александр со своей женой Верой. Они тоже решили прикупить дефицитных товаров. Александр с супругой расположились на заднем сиденье моей черной «Волги», и мы отправились за город. Наш путь к деревенским благам лежал через элитный поселок, облюбованный партийной знатью для строительства правительственных дач и санаториев. Вековые сосны, чистый воздух и большое озеро с песчаным пляжем – все располагало для восстановления здоровья партийных руководителей, неусыпно пекущихся о благе народа.

Всю поездку Александр спорил с женой относительно планируемой в скором времени покупки машины.

– Давай купим «Волгу»! – настаивал полковник. – Смотри, какая прекрасная машина! Просторный салон, быстрый плавный ход! – Я согласно кивал, подтверждая его слова.

– Не хочу! Не машина, а огромное корыто, – возражала ему жена. – Давай лучше купим «Жигули». Славная, аккумуляторная машинка.

– В «Жигулях» тесно! И багажник маленький. – Александр не собирался уступать жене. В мечтах он уже давно

лихо подъезжал к зданию конторы на шикарной «Волге».

– Зато расход бензина меньше!

– Бензин – не проблема. В конце концов, я полковник. Оформлю на «Волгу» служебные поездки.

– Но я хочу голубые «Жигули»! Они будут прекрасно гармонировать с цветом моих глаз, – привела неубиенный довод Вера. – А голубая «Волга» выглядит пошло!

Пока они спорили, припустил сильный летний дождь. Я был водителем с солидным стажем и уверенно вел машину по мокрой дороге, как вдруг непонятная сила словно подбросила «Волгу» и закружила ее на месте. Я крепко держал руль и пытался выровнять машину, но какое там! Автомобиль несся, выписывая зигзаги, как на ровном накатанном льду. Жена Александра вцепилась в переднее сиденье и громко визжала, выпучив от страха глаза. Наконец машину мотнуло в сторону, вышвырнуло с дороги и развернуло так, что она с силой врезалась передним бампером в высокий трехметровый забор, огораживающий правительственный санаторий. «Волга» остановилась, и сверху на нее рухнула секция снесенного забора. Я сидел ошеломленный, схватившись за руль и еще не веря, что адская карусель закончилась.

– Все целы? – спросил я.

– Кажется, все, – неуверенно ответил Александр.

– Выйти из машины! Лицом в землю! Руки за голову! – послышался грозный крик.

Через парк санатория к нам бежали охранники, на ходу

вытаскивая оружие. Личные телохранители, прикрывая спинами пожилых, но очень влиятельных отдыхающих, быстро уводили их с парковых аллей. Те едва передвигались на трясущихся от страха ногах и робко оглядывались в нашу сторону.

– Я полковник КГБ! – крикнул Александр, выходя из машины и поднимая руки.

– Я сказал – на землю! – проорал крупный мужчина в форме охраны, направив на Александра пистолет. – И руки за голову, пока пулю не получил! Сейчас ты подозреваемый в совершении теракта!

Мы с Александром послушно легли на землю и терпеливо ждали, пока его служебное удостоверение не вытащил из заднего кармана брюк начальник охраны.

– И правда, полковник КГБ, – пробормотал тот, разрешая нам встать и пряча оружие в кобуру. – Надеюсь, без обид? Сами понимаете специфику нашей работы.

– Все в порядке. – Александр промокнул платком вспотевший лоб. – Извините за ущерб хозяйству. Не справились с управлением.

– Угроздило же вас! – качая головой, посочувствовал один из охранников.

А я с удивлением и гордостью осматривал «Волгу», практически не получившую повреждений после кульбита со сношением забора. Только несколько едва заметных царапин на бампере.

Александр сунул охранникам десятку за неприятное беспокойство, и те помогли нам стащить забор с машины. Крыша автомобиля тоже оказалась цела, не появилось ни одной вмятины. Я был безмерно счастлив, что «Волга» не пострадала. Мы снова уселись в машину, и я повернулся к жене Александра, о которой мы совсем позабыли. Все это время Вера просидела молча, вцепившись мертвой хваткой в переднее сиденье и выпучив глаза от ужаса.

– Вот, пожалуйста, – радостно заявил я женщине, – ответ на ваш с Александром спор. Снесли добротный трехметровый забор, а «Волге» – хоть бы что! Теперь понятно, какую машину покупать нужно?

– Теперь понятно, – проговорила женщина, разлепив помертвевшие губы и повернувшись к мужу. – Никакую! Саша! обойдемся без машины! Я жить хочу!

Алла Французова

Как мы худели деда

Это было самое изменчивое лето. Мы то изнывали от жары и не знали, куда спрятаться от палящих лучей солнца, то сидели, закутавшись в пледы с чашками горячего чая, и любовались струями дождя, стекающими, словно реки, по оконным стеклам.

В этот раз на дачу съехалось все наше многочисленное семейство: мои родители, дяди и тети с их детьми и бабушка с дедушкой.

Я очень любил такие семейные сборища, а если и уставал от чрезмерной суеты, то всегда мог схорониться с книгой на чердаке или уйти на речку. Но в основном проводил время в кругу семьи: мы любили собираться в беседке вокруг большого старинного самовара, распивать чай из расписных блюдец, хрустеть сладостями и играть в настольные игры.

Мы приехали на дачу самыми первыми. Дом встретил нас прохладой и слоем пыли, скопившейся за зиму. А двор порос травой и выглядел весьма негостеприимно. Поэтому мама с сестрами, вооружившись тряпками, принялись отмыть дом, а мы с папой приводили в порядок двор.

Через несколько дней дом блестел, травка во дворе стелилась ковром, и на все чистенькое-готовенькое уже смело на-

чали съезжаться остальные родственники.

Первые часы новой встречи с родными были самыми радостными. Все взрослые в эти моменты много говорили, смеялись и шутили. А мы с братьями и сестрами уже давно, как говорится, «выкупили ситуацию» и всегда умудрялись воспользоваться временем всеобщей доброты, чтобы раскрутить родителей на лакомства, бесконтрольно ими объесться или отпроситься гулять на дальнее озеро, куда детям обычно не разрешали ходить одним.

Итак, в первую неделю июня были уже все в сборе, кроме бабушки и дедушки. В этом году они задерживались из-за какого-то медицинского обследования.

Как только заскрипели ворота, мы со всех ног кинулись навстречу. Я первый добежал до бабушки, обнял ее цветастое платье и переключился на деда. А деда в этом году почему-то было очень сложно обнять. Вроде и руки у меня выросли по сравнению с прошлым летом, но он стал каким-то необъятным.

– Ого, деда, – сказал мой младший братик, – как ты вырос вширь!

– Да, – вздохнула бабушка, – стоило вашему дедушке выйти на пенсию, так он сразу набрал лишние килограммы. И врач сказал, что нужно срочно худеть.

Дед, глядя на шикарно накрытый к обеду стол, потер руки и сказал:

– Да, вот и начнем худеть. Завтра! А сейчас давайте как следует поедим.

И мы прекрасно отобедали наваристой солянкой с пирожками, салатами, холодцом, а потом разогрели самовар и выпили по несколько кружек чаю с сахарными крендельками. Вкуснотища! Мама с тетей не зря сутра хлопотали на кухне. Чего уж говорить, хорошо покушать у нас в семье любили всегда!

После обеда дед похлопал себя по тугому пузу и сказал:

– Ну все, завтра буду худеть. Только *сегодня* еще поужинаю как следует напоследок, а завтра прям с утра и начну.

И вечером у нас был прекрасный шашлык, печеные лепешки, овощи гриль и, конечно, традиционный чай с домашним медовиком на десерт.

На следующее утро бабушка сработала на опережение и поставила перед дедом тарелку заваренной в кипятке пресной овсянки с черносливом.

Он печально, с несчастным видом запихнул в себя несколько ложек безвкусной каши и принялся пить чай.

– Ну, к чаю обычно прилагается бутербродик! – сказал дед и как-то незаметно проглотил четыре бутерброда с сыром, маслом и колбасой.

Бабушка в этот момент случайно отвлеклась и очнулась, когда дедушка уже дожевывал последний бутер.

– Иван Семеныч! – вздохнув, сказала она. – Я же тебе овсянки диетической сделала, а ты бутерброды тоннами ешь.

Так же похудеть не получится. А совсем наоборот. Мы же тебя после таких каникул через калитку не протащим. Застрянешь, как Винни-Пух. Я уже не говорю о том, как это скажется на твоём здоровье!

Дедушка тяжело вздохнул.

– Да я и сам понимаю. Я постараюсь.

Весь остаток дня дед держался. Жевал листовые салатки, которые ему подсовывали мама с бабушкой, и пил травяные чаи.

Вечером бабушка с мамой и тетей о чём-то шептались на кухне, а утром объявили, что они тоже решили сбросить пару лишних кило, и с этого дня все садятся на одну диету вместе с дедом. Даже я, будучи ребенком, смекнул тогда, что они просто решили по-семейному поддержать дедушку, ведь ему было совсем нелегко одному давиться пресной кашей, когда все вокруг поедает разносолы.

И началась тоска зеленая. С тех пор на обед у нас были пресные овощные супы и салаты. Больше на столе не появлялось никаких пирожков и сладостей. Мы с братьями и сестрами быстро нашли выход из ситуации: стали напрашиваться почаще в поселковый магазин за гречкой или солью и покупали на сдачу всяких вкусняшек. По дороге домой мы успевали уничтожить и переварить следы преступления, чтоб не дразнить наших худеющих родителей.

В нашем семейном самоваре теперь грелся несладкий травяной чай, а на десерт предлагались только фрукты. Никаких

пряников и конфет. Печальная печаль.

Моя мама решила подойти к похудению с умом и принялась изучать информацию про всякие там системы питания и диеты. И началось у нас самое интересное.

Сперва она нарыла какую-то цветную диету. Смысл в том, что сегодня ты ешь, например, все только красное, завтра – все только зеленое, послезавтра – все белое, и так, пока не закончатся цвета. А потом заново, если доживешь до второго круга.

Нам, детям, эта затея показалась очень интересной. Это было похоже на какую-то игру, челлендж. Мы попросились тоже принять участие в этом безумии, когда узнали, что первый съедобный цвет – белый.

– Я буду целый день есть только одно мороженое! Мечта сбылась! – кричал радостно мой младший брат.

И Белый день начался. Рисовая каша, зефир, мороженое, молоко, творог, куриная грудка без подливы и салата, капуста без всего, макароны без соуса... Бледная печаль.

– Хорошо, что завтра зеленый день, – сказал дед, – а то так огурчика хочется.

Мы, дети, уже не захотели принимать участие в Зеленом дне, и я без конца мучил взрослых вопросом:

– Вот арбуз – его едят в зеленый или в красный день?

Все пожимали плечами и продолжали жевать зелень.

– Мне кажется, я скоро заквашаю, – сказала бабушка, – от зеленого уже тошнит. Белый день мне понравился больше.

– Ничего, завтра красный, – утешала ее мама, – можно есть помидоры, клубнику и говядину.

– А можно еще и шторы! Они у нас тоже красные! – подсказывал папа.

Красный день тоже дался им нелегко, потому что к мясу хотелось гарнира, а красная чечевица и фасоль в сельском магазине не продавались. Заедали помидорами, которыми уже и так объелись за день.

– Я бы и вправду лучше бы шторами закусил, – бурчал себе под нос дед.

И была еще чередой остальных цветных дней: синий, желтый, фиолетовый.

Не знаю отчего, но все и вправду немного похудели. Дед, к слову сказать, меньше всех, но все равно результат был. А похудел он меньше, потому что его тайно подкармливал в гараже запрещенными продуктами мой папа.

Дедушке вообще не хотелось сидеть на этой диете. Но в вопросах его здоровья бабушка была бескомпромиссной. Во всем остальном она слепо повиновалась деду, однако если дело касалось его здоровья, приходилось слушаться ему.

Итак, закончилась первая цветная неделя диеты.

– Второй круг я не выдержу, – призналась мама – Мне уже белые помидоры снятся и синие арбузы, я и вправду на штору с нездоровым аппетитом начала смотреть. Давайте другой метод попробуем.

И началось новое безумие. Мама нашла диету по типу

личности. Нужно было сперва выяснить, к какому типу человек относится, и потом, исходя из этого, определить список разрешенных продуктов. Для этого по каждому худеющему заполняли таблицу с описанием, делали замеры конечностей.

Когда мы измеряли деда, он уточнил:

– Это, случайно, не для плотника замеры? А то я на ваших диетах долго не протяну.

– Не переживай, папа, – успокаивала его мама, – сейчас мы определим, кто ты у нас: охотник, собиратель, земледелец или танцор.

В общем, по итогу замера оказалось, что моя мама – охотник, бабушка – собиратель, тетя – земледелец, а вот на дедушке концепция не сошлась.

– Слишком большая голова у тебя для охотника, – говорила мама, с недоумением глядя в умную таблицу. – Для танцора ноги кривоваты, до земледельца тоже не дотягиваешь, а для собирателя руки недостаточно длинные.

– Вот! – засмеялся папа. – Я всегда говорил, что мой любимый тесть – инопланетянин. Вот вам и подтверждение!

– Наверное, эта ваша диета – полная дрянь! – заключил дед.

Все как-то сразу согласились и решили поискать что-то еще.

Затем была выбрана система подсчета калорий, и некоторое время мы жили как в математическом классе.

– У меня на завтрак: каша, банан, йогурт, чай, – отчитывался дед.

– 200 плюс 120, плюс 50, равно 370 килокалорий! – вслух, нажимая кнопки на калькуляторе, подсчитывала мама. – Многовато! Банан был лишним. В обед или на ужин нужно съесть меньше.

К концу недели я знал наизусть калорийность всех продуктов, появляющихся на столе.

Наши худеющие довольно долго считали свои калории. Но однажды дед очень удивил всех заявлением, что он решил бегать по вечерам.

– Я, – говорит, – буду небольшую пробежку делать, с прогулкой. Вечерами, когда уже не жарко. И польза, и разгрузка эмоциональная.

Бабушка всплеснула руками:

– Как замечательно! Только ты, пожалуйста, аккуратно. Все-таки возраст. Хочешь, мы с тобой вместе побегаем?

– Нет! – категорически отрезал дед. – Тогда эмоциональной разгрузки не получится.

И он начал каждый день вечерами надевать спортивные шорты и бодро выбегать со двора. Остальная худеющая группа поддержки тем временем с беспокойством ждала его в беседе.

Прошла неделя, другая, дед продолжал исправно бегать. Но почему-то вовсе перестал худеть. На очередном взвешивании бабушка удивлялась:

– Иван Семеныч! Бегаешь ты, а худеем только мы. Гляди, у нас уже одни глаза остались. Мне уже и стройнеть дальше некуда, все платья сползают.

Дед разводил руками и отвечал:

– Природа, наверное, у меня такая. Кость тяжелая.

Но через несколько дней выяснилось, в чем дело. И кость тут оказалась ни при чем.

Бабушке позвонила ее давнишняя подруга, пока дедушка был на очередной пробежке, и сказала, что видела накануне вечером нашего деда, в компании друзей поедающего чебуреки в придорожном кафе.

Бабушка задыхалась от негодования.

– Кость у него широкая! Мы тут всей семьей его поддерживаем, на диетах сидим, а он, предатель, чебуреки по кафе ест! Чебуреки!

Папа смеялся до слез!

– Вот так Иван Семеныч! Ну партизан! Шорты не ленился надевать для конспирации, а сам на пробежку в чебуречную! Еще и сообщников нашел!

Остальные худеющие чувствовали себя обманутыми и все придумывали, как поймать деда с поличным. Решили пока прикинуться, что ничего не знают, а потом устроить слежку с засадой.

Не знаю, к чему бы привела вся эта катавасия, но я быстро выдал деду, что его раскрыли. Тогда он начал просто гулять вечерами, без забега в кафе. Такие безвкусные про-

гулки он выдержал только три дня. А уже и лето подходило к концу.

Если бы эта история была выдуманной, то она наверняка должна была окончиться тем, что мы нашли-таки чудо-средство и дедушка обрел идеальную форму. Но эта история – чистая правда. Наш дед не скинул ни грамма и уехал с дачи с таким же необъятным животом, с каким приехал. А вся его группа поддержки к концу лета покачивалась на ветру.

Должен сказать, что из всей этой ситуации выиграла только чебуречная, где тайно подьедал дед, ну и сельский магазин, где все лето кормились мы – голодные дети.

Больше на диетах у нас в семье никто никогда не сидел, но умеренность в питании с тех пор появилась, потому что слишком мучительно было вспоминать ту беспощадную цветную диету.

Марат Валеев

Халявщик

Эта история случилась в семидесятые годы прошлого столетия с одним из любителей халявы. Назовем его Владимиром Медяковым (что недалеко от истинной фамилии). Он работал заведующим районной рыбинспекцией. Ловил браконьеров, штрафовал их, а штрафы клал себе в карман. За мзду закрывал глаза на лов стерляди (краснокнижной рыбы!) в Иртыше. Однажды даже умудрился заехать в глухой угол соседней Новосибирской области и... продать жителям одного сельца, расположенного рядом со степным озером, кишащим карасями, это самое озеро.

Как выкрутился Медяков из этой, все же получившей огласку, истории, известно только ему самому. Но однажды из-за любви к халяве он таки по-крупному вляпался в дерьмо.

В те годы в хлебоуборочную пору ответственные работники всех организаций нашего райцентра несли нагрузку как общественные инспекторы ГАИ и дежурили на трассе Павлодар – Омск.

Пост этот был обыкновенным павильоном на манер автобусной остановки, сооруженным лишь для укрытия от непогоды. Ни телефона, ни света, ни отопления в нем не было.

Заступавшему на дежурство давали нарукавную повязку и полосатый жезл. Этой атрибутики было достаточно, чтобы тормознуть любую машину, проверить у водителя документы, груз. Вот так в один из сентябрьских дней на пост по графику заступил и наш герой.

Было солнечно и тепло. Медяков сидел на лавочке около будки и лениво курил, провожая взглядом проносившиеся мимо машины.

Но вот к посту стал приближаться молоковоз. «Не мешало бы молочка попить после вчерашнего», – подумал Медяков и, привстав с лавки, сделал отмашку жезлом, приказывая водителю остановиться. Молоковоз плавно притормозил, в желтой цистерне гулко заплескалось содержимое.

– Что везешь? Молоко? – для проформы спросил Медяков у водителя.

– Не, сливки, – охотно ответил шофер. Он не врал – труженики МТФ обычно сепарировали молоко, обрат оставляли для выпойки телятам, а сливки сдавали на местный маслозавод.

– Это хорошо, – обрадовался Медяков. – Постой-ка.

Он сходил в будку и вернулся со стеклянной литровой банкой.

– А ну зачерпни! – приказал Медяков водителю. А тому что, жалко? Лишь бы гаишник не прикапывался.

Он залез на цистерну, открыл люк и, зачерпнув банкой, протянул ее общественному гаишнику. Медяков пригубил.

Сливки были холодными и невероятно вкусными. Общественник крикнул и на одном дыхании выпил всю банку. По его болевшим от вчерашнего внутренностям как будто боженька босиком прошелся.

– Ух, как хорошо! – крикнул снова Медяков.

Да, забыл сказать, что в нем весу было центнера полтора. Так что эта баночка для него была как наперсток.

– Набери-ка еще, – велел он водителю. Вторую банку Медяков пил уже обстоятельно.

– Ну я поехал? – нетерпеливо спросил водитель.

Медяков вытер губы и протянул банку водителю в третий раз:

– На, гребани еще раз. Это я с собой возьму. И поезжай.

Приняв полную банку, Медяков шагнул раз, другой к будке... И тут в его чреве что-то заурчало, забормотало. Медяков остановился, сдерживая невыносимую потребность кое-что сделать. Но не сдержался и, прощу прощения, «пустил ветры»... Это Медяков так думал. А на самом деле только что выпитые им два литра свежих сливок одномоментно выплеснулись ему в штаны, прихватив с собой все съеденное и выпитое накануне.

Вот так и стоял наш герой с выпученными от ужаса и отвращения глазами, с банкой сливок в одной руке, с полосатым жезлом в другой и широко, очень широко расставленными ногами. Вниз смотреть Медяков боялся, но и тронуться с места не решался, ощущая ужасный дискомфорт.

Водители проезжающих машин, видя застывшего в столбняке хоть и общественного, но все же инспектора ГАИ, притормаживали и спрашивали, не нужна ли помощь. Но в ответ лишь слышали матернейшие пожелания следовать как можно скорее и дальше.

Наконец, тихо-тихо переставляя ноги, Медяков таки добрался до будки, затем спустился в кювет. Там была приличная лужа, в которой Медяков и совершил необходимые водные процедуры, а также постирался. И еще несколько часов ждал, пока все его пострадавшее белье, подвешенное к кровле будки с тыльной стороны, не просохнет на солнце и ветерке.

Вы думаете, у Медякова с той поры пропала всякая охота к халяве? Как бы не так. Но вот сливки он больше не пил. Совсем.

Виталий Медведь

Три истории

История первая

Вышли мы как-то в очередной раз из бассейна, а Мост и говорит: «Во! Самое время пойти сделать массаж, насладиться нежностью рук и отдаться удовольствию...».

И пошел. В китайскую баню. К китайскому массажисту Яше.

– За один час маленький китаец делает из любого европейца кровавое месиво, – вот что сказал Мост, когда пришел от массажиста Яши.

«Сутулый! Плохо! Нада лечить! – так у них начался интернациональный разговор с Яшей. – Ложись!»

И Сережа лег...

Услышав все подробности китайского массажа, к китайцу Яше немедленно метнулся Валерка.

– Жирный! Плохо! Нада лечить! – сказал китаец Яша. – Ложись!

Валера под кушеткой массажиста Яши насобирал полкило эмали со своих зубов...

Неделю уговаривали меня братья по оружию, так называ-

емые коллеги, посетить чудотворца, «поднимающего на ноги дэцэпэшников». Так о Яше отозвалась банщица.

Не удивительно, скажу я вам... Но – по порядку.

Оно, конечно, как в том анекдоте: «Ну, ужас... Но не УЖАС, УЖАС». Возможно, что я просто помоложе и покостлявее.

Пришел я после Валеркиных рассказов в сауну.

– Мне к массажисту вашему, Яше.

А банщица и отвечает:

– Яша занят, давайте я вас к китайцу Антону отправлю, он помоложе, у него руки покрепче, посильнее.

– Не-е-ет, – говорю, – спасибо! Мне не надо посильнее, мне и Яши, думаю, многовато будет.

Китаец по имени Яша – ростом в 165 сантиметров. Глаза такие узкие, но добрые.

– Здравствуй, – говорит. И сразу: – Ложись!

А что плохо, так и не сказал.

Лег я. Почмокал он, глядя на мою спину.

– Криво вот тут, – говорит, – плохо!

О, думаю, плохо! Это уже хорошо. А сколиоз – фигня, и без китайцев знаем.

Потом берет этот китаец свой твердый, сухой, маленький палец и тычет мне точно в то место, где у меня всегда мышцу зажимает. Тык, тык...

И спрашивает ласково: «Больно?».

Я зубы сжал, чтобы банщица на крик не прибежала, а Яша

понимающе кивает и говорит: «Ага! Цуцуть!» – и тык мне в другое место...

Как он эти места видит, я не понимаю. Но в четыре места ткнул и – как в морском бое – все разы попал. Убил. Потом минут пять ручками своими махонькими спину мне порастирал. Чё, думаю, мужики кипишились? Кайфно...

Взял потом китаец скребок, из рога оленя сделанный («Олень-рог. Надо лось, но лось нету. Олень»), и давай мне, как рубанком, кожу со спины снимать. Где мышцы живут – там терпимо, горячо только, но он, жопа такая желтокожая, до позвоночника добрался и давай по костям ездить. Шкряб, шкряб. Шкряб, шкряб.

Чувствую, уже спинной мозг потек.

А Яша спрашивает нежно: «Больно?». И сам себе отвечает: «Цуцуть!».

Знаете, какое офигительное чувство, когда тебе перестают с позвоночника кожу пластами срезать и на лопатки переходят? Не описать! Руки эти нежные целовать хочется.

Берет потом Яша свои твердые маленькие пальцы и начинает все мои мышцы по моим же ребрам катать. А мышцы-то у меня только после вчерашнего километрового заплыва – размятые, эластичные. Хрен тебе, думаю!

И тут – опа! Какая-то сволочная мышца какой-то бугорок на ребре нашла и цепляет... Яша обрадовался, про всю остальную спину забыл и за бугорок принялся. Туда-сюда. Туда-сюда.

– Спазм, – говорит. – Плохо!

И снова туда-сюда. Как на домбре играет.

А у меня ощущение, что бугорок на кости от этого растет и мышца об его острые края рваться начинает.

Но я и это пережил.

Берет потом маленький китаец Яша БОЛЬШУЮ банку, прикладывает к моей спине и выкачивает оттуда весь воздух. Мне показалось, что у меня вся кожа со спины – как у шарпея – под банку заползла и там плачет.

Оказалось, ни фиги, не вся! Ибо Яша еще одну банку поставил. А потом еще десяток.

Потом Яша взял и в том месте, где у меня «Спазм. Плохо», кожу три раза иглой проткнул и банку сверху поставил. Кровь выкачивать... А меня мужики предупреждали же, что он кровь сосет, вампирище, я даже не вздрогнул.

Не дожدهшься, думаю, вьетконговская рожа, моего комиссарского стона.

Минут пять Яша кровь покачал. Недовольный остался. Красная кровь... Молча вылил и банку помыл.

А банки кожу в себя втягивают...

И тут ка-а-ак ткнет мне иглой в другое место (где у меня мышцу сводит)! Черт его знает, в какой он там нерв попал. И не больно вроде, но у меня все тело выгнуло, и глаза выпукнулись неадекватно... И там давай кровь качать. Покачал пять минут, обрадовался!

– Черный! Плохо! Черный!

Собрал со спины в банку и мне показывает... Точно! Если в первой банке кровь была чистенькая, красненькая, то здесь – бурая кровавая сопля плавает. Удивительно...

В общем, через какое-то время взялся Яша банки с меня снимать.

Я вам скажу: оргазм – фигня, секс – отстой! Вы попробуйте, как Яша банки снимает!

И только я растащился, как Яша на четвертой банке решил, что зря живым меня отпускает, и банку, прежде чем снять, у меня по спине повозил. По всей. Кожа там, под банкой, перекачивается. Цвет такой у нее нежный. Спелый баклажан называется... И следующую банку Яша тоже повозил... И следующую... А места для возни все больше... Банка – она же не дура, – она через минуту от спины с чпоком облегчения отскакивает, и тогда Яша тоже удовлетворенно говорит: «Фатит. Хорошо».

А какая банка сразу не отскакивает – так он ее возит, пока не чпокнет.

Я понял в эти минуты, что чувствует дождевой червяк, когда его на крючок надевать начинают. И хочется из рук выскользнуть, и крутишься, ползешь, но тебя китаец за банку поймал и держит.

А кое-где Яша в синюю шишку тыкает своим маленьким китайским пальцем и говорит: «Шишка. Черный. Плохо».

Это значит, что там кровь застаивается. «Лечить! Плохо».

Ну, банки на груди я перенес уже со смехом, шутками и

прибаутками.

А уж когда Яша сказал: «Молодец! Поняла?! Молодец!» – я так вообще духом воспрянул. Мужиков-то он не хвалил! Ругал только.

Но... вот смотрю сейчас на себя в зеркало. Черный синяк! Плохо! Надо лечить!

Послезавтра опять пойду...

История вторая

Жили-были у нас рыбки. Много. В зале. В двухсотлитровом аквариуме. А рыбки – они ж в туалет где попало ходят... Захотелось им – бац – и сходили. Свиньи, а не рыбки.

В общем, долго ли, коротко ли, а пришло время, в связи с таким зоологическим парадоксом, рыбкам воду менять.

Суббота. Десять утра. Рыбкам воду поменяй и лежи-отдыхай.

Я по-взрослому литров эдак 170 слил, оставшиеся тридцать – по ведрам-банкам. Туда рыбок и распахал.

А тут супружница. Заходит такая...

– О! Ты рыбкам воду слил? Давай тогда столик из-под аквариума вот в этот угол переставим?

Ну, логично. С рыбками я бы столик вряд ли осилил, а так он килограммов 80 всего – перетяну...

Я – кряк – аквариум снял. Кряк – столик на мокрую тряпку поставил и в указанный женой угол поволок. Поставил и – ну дурак, ну – кричу: «Жана любимая, так?». А любимая с кухни зашла, руки полотенцем вытираючи:

– Ага! А что-то у нас та стена теперь пустой кажется... Давай-ка мы из детской стенку сюда переставим, а то им все равно нужно новую покупать.

Ну, логично. Пустые места заполнять надо, а то там феи заведутся.

Я, значит, в детской шкафы все разобрал и самый длинный – мужики знают, тумба метр восемьдесят ростом, – ухватил и, гордый собой, из детской в зал потянул. Ничего, что в спине хрумкает и ноги дрожат. Зато ты же понимаешь, что дура выше тебя и толще, а ты прешь!

В зал приволок. В угол поставил. А я же художник! Почти что дизайнер! Ну и собирал бы все.

Не-е-ет. Я опять...

– Жана любимая, так?

Угадайте ответ... Пра-а-авильно!

– Нет, что-то здесь как-то не так. Давай вон туда?

Я – крик – опять тумбу в обхват и в другой угол.

И там не так...

– А давай со столиком из-под аквариума местами поменяем.

– А давай! Крик...

В итоге мы ВСЕ углы перепробовали. Благо их четыре было.

И поставили в тот, в который я с самого начала шкаф принес.

В общем, к восемнадцати нуль-нуль я шкафчики все собрал. И лег. Ибо что-то полежать захотелось.

Но чувствую, что-то не то. Не так что-то. И тут понимаю: рыбкам воду наливать надо! Двести литров...

Теперь, если вторая половина предлагает, например, собаку вывести погулять, я сразу думаю, не придется ли мне

разом в Чернигов в «Стройматериалы» за бойлером ехать.
Или еще за чем...

История третья

Вы наверняка слышали сомнительной правдивости историю про озорную девочку, дочь нерадивых родителей, которая забралась в вольер к верблюду? Нет?!

Как любая нормальная хищница, маленькая женская личинка подкралась к животному сзади. Платышко, бантики, смешной рост... Верблюд даже не считал ее за опасность, иначе бы он использовал задние ноги. В этом случае ребенок бы уже тягал за хвост огнегривого льва и синего вола, исполненного очей. А так миниатюрному чудовищу удалось неожиданно повиснуть на хвосте у дромадера.

Этот факт настолько поверг корабля пустыни в шок, что у него случился акт самопроизвольной дефекации, и все верблюжье пахучее удивление оказалось на девочке. Бантики и платышко потеряли мимишность.

После такого конфуза верблюд отошел на шаг, внимательно посмотрел на причину переполоха и в чувствах сплюнул. В нее же...

Валера верблюда за хвост не дергал. Валера хотел на верблюде покататься.

Средний бактриан помимо двух горбов имеет под 600 килограммов веса и под два метра роста.

Маленький жаждущий прибыл азиат в теплом халате отдал приказ, и вся эта громадина рухнула перед Валерой на

колени. Это было приятно.

Восторженный турист кое-как взобрался меж двух средней мохнатости горбов, после чего верблюд крайне резко встал. Тут Валера первый раз ойкнул. Потому что его колокольчики, зажатые меж двух горбов, жалобно запищали.

Валерины подергивания за поводья верблюд проигнорировал. На Валерино «Нно!» томно прикрыл глаза.

– Пошел, упрямый ищяк! – зашипел азиат и хлопнул верблюда по мякоти. Верблюд приоткрыл один глаз, сделал четыре шага по кругу и встал на прежнее место.

– Дай! Дай ему пятыками! – посоветовал восточный мудрец.

Валера выполнил рекомендацию. Верблуду было все равно. Кроссовки его не впечатляли. После понуканий рассерженным азиатом верблюд делал круг и перепарковывался.

– Котагбас амынды шыгарам, – непонятно заругался казах после очередной попытки сдвинуть упрямец с места. – Дай ему што есть силы!

Валера максимально широко раздвинул ноги и со всей дури влупил животному по бокам.

На этот акт насилия лохматая громадина неспешно повернула голову на сто восемьдесят градусов, подняла ее прямо к Валериному лицу, распахнула пасть с желтыми кривыми зубами и толстым языком и заорала.

– Уо-а-а-а-а...

Череп у верблюда раз в пять больше человеческого. Поток

теплого смрадного воздуха с мелкими брызгами верблюжьей слюны неожиданно переключил Валеру в позицию «Я больше не хочу кататься!».

– Я больше не хочу кататься, – сказал Валера вслух.

– Жарайды, – сказал азиат. И верблюд снова рухнул на колени.

– Ой, – прошептали Валерины колокольчики еще раз, и экотурист выпал на желтый песок.

Марина Богатырева

О культуре, коне и ромашковых шлёпках

В темноте зала раздались торжественные звуки фанфар. Послышались аплодисменты. В такт им забилося мое встревоженное сердце. Всего пару дней назад я вошла в двери этого Дома культуры, а сегодня стою за его кулисами. А ведь представляла-то я все иначе.

Летом я с отличием окончила институт. Экзаменационная комиссия пророчила мне блестящее будущее. Поэтому я, как только пришла в себя после головокружительного выпускного бала, отправилась в департамент культуры. Статный уса-тый мужчина широко мне улыбнулся и пообещал лучшее место.

– В доме культуры в соседнем городе есть должность режиссера. Ты девочка способная. Думаю, справишься, – сказал он добродушно.

– В соседнем городе? – неуверенно переспросила я.

– Точнее сказать, моногороде, – немного конфузясь, пояснил он и тут же торопливо добавил: – конечно, если не понравится, мы постараемся найти что-нибудь еще.

Я никогда не слышала о «моногороде» и решила, что это вроде мегаполиса, поэтому охотно согласилась. Тем более я

и мечтать не могла о должности режиссера, скромно надеясь на руководство кружком.

Спустя неделю подготовки документов и сказочных мечтаний я оказалась в моногороде. Не знаю, кто наградил его этим статусом, но у того человека явно отличное чувство юмора, потому что на деле это обычный поселок городского типа. Один из тех безликих поселков, в котором глазу зацепиться не за что. Разве что за болото в самом его центре, которое местные жители гордо именуют прудом.

Около этого самого пруда меня и встретила директор ДК – высокая ухоженная женщина, которая мне очень понравилась. Меня до сих пор не покидает ощущение, что знаю ее всю жизнь. Похоже, у нее тоже было такое впечатление, потому что она, не спросив обо мне, сразу начала рассказывать об их Доме культуры. И говорила она так живо и уверенно, как будто мы находимся прямо в нем, ну или хотя бы рядом. Я невольно начала искать глазами предмет ее восхищения, но поблизости не было ничего даже близко похожего на учреждение культуры. Слева от меня был супермаркет, справа – жилой дом, а за спиной моей собеседницы – заброшенное здание непонятного назначения.

Мы простояли так минут пять, пока не подъехала женщина на велосипеде. Ее образ напомнил мне почтальона, которую я встречала в детстве, в деревне у бабушки. Она радушно меня поприветствовала и, указывая жестом на заброшенное здание, сказала:

– Добро пожаловать, госпожа режиссер. – И тут же залилась заразительным смехом.

Женщина оказалась уборщицей, гардеробщицей, сторожем и билетером в одном лице. А на сегодняшний день она была назначена моим гидом.

«Вот тебе и отличное место, госпожа режиссер», – с ужасом подумала я про себя.

Внутри Дома культуры было не все так плохо. Женщина, приехавшая на велосипеде, гордо продемонстрировала мне холл. Тут недавно был сделан ремонт. Косметический, конечно. Стены выкрашены в розово-лиловый, под потолком любовно развешаны гирлянды. Кажется, ремонт – тоже ее рук дело.

Настало время знакомства с коллективом. Я представляла, как войду в большой зал и под аплодисменты буду представлена коллегам. Но, оглянувшись, поняла, что директора уже нет рядом, женщина с велосипедом принялась мыть пол, а я предоставлена сама себе. Я неуверенно пошла по коридорам здания, сама не зная, чего ищущу.

Первые, кого я увидела, были две женщины, возникшие из-за дверей маленького кабинета с табличкой «Методист». Я с удивлением отметила, что они абсолютно одинаковые, за исключением возраста. Высокий рост, крепкое телосложение, резкий, почти командный голос, а еще резиновые пляжные шлёпки с яркими желтыми ромашками, которые мгновенно приковывали к себе мой взгляд. Женщины хором по-

здоровались.

– Чувствуй себя как дома, – пожелала старшая. Я с благодарностью улыбнулась, а про себя добавила, глядя на шлепки: «Смотрю, вы уже...».

Не уверена, что кто-то из них занимает должность методиста, но то, что это мать и дочь, было ясно без лишних вопросов. Позже я поняла: тут все в какой-то степени родственники.

Пока я стояла и переваривала ситуацию, на меня налетел еще один новоиспеченный коллега и сразу принялся обнимать. От неожиданности я, кажется, забыла, как меня зовут и где нахожусь.

– Ну хватит, Шурик, – скомандовала мама в ромашковых шлепках, – задушишь девушку. У нее и так еле-еле душа в теле.

Когда он отстранился, я поняла, что ничего общего с киношным Шуриком этот парень не имеет. У него смуглая кожа, вытянутое худое лицо, а на голове копна то ли выцветших, то ли крашенных завитушек. Он мне напоминал чертенка. Ромашковые шлепки мне объяснили, что Шурик отвечает за свет, музыку и видео. И вообще, все, что касается техники, – это к нему. Он театрально мне поклонился и жестом пригласил пройти дальше. Но мы так и не успели никуда отойти, потому что нам навстречу вышла маленькая пухленькая девушка примерно моего возраста. Она держала в руках кружку с чаем и круассан. Что-то в ее виде мне каза-

лось нелепым. Пока я думала, что именно, Шурик объявил:
– Настя – наш хореограф. – И снова сделал театральный жест.

И тут до меня дошло, что девушка одета в лосины и гимнастический купальник, что никак не вязалось с ее тучной фигурой.

– Привет. – Настя протянула мне руку. Я ответила на ее рукопожатие, отчего она разразилась хохотом, который был похож на автоматную очередь.

Наконец-то мы дошли до кабинета, где располагались остальные сотрудники. Три женщины среднего возраста сидели вдоль окна и распевали народную песню, поминутно останавливаясь и споря между собой. Женщина-сопрано с истеричным голосом никак не принимала мнение двух альтов. Она знала себе цену, и я даже на секунду подумала, что она оперная дива. Да и внешний вид у нее был соответствующий – выдающаяся вперед огромная грудь, приподнятый вверх подбородок и привычка смотреть сверху вниз. Две другие – альты, приземистые и громкоголосые, – стояли на своем. Ругались они намного громче и эмоциональнее, чем пели.

Рядом с ними сидел баянист. Это был человек, познавший жизнь, которая его то и дело проверяла на прочность. Он не то спал, не то просто устал от вечных перебранок. Тем не менее он не заметил меня, так и сидел в углу с закрытыми глазами. Моему приходу трио не удивилось, бегло поздоро-

валось и, толкнув в бок баяниста, продолжило репетицию.

По периметру кабинета стояли еще стулья. Видимо, аудитория была предназначена для собраний и репетиций. Вошедшие со мной дамы в шлепках, хореограф и Шурик уселись на свои места, я последовала их примеру и заняла самое близкое место к выходу, инстинктивно думая о возможном побеге.

Тут же влетела директриса с огромной стопкой папок для документов. На ходу спросила:

– С новым режиссером уже познакомились? Тогда сразу к делу. В субботу начинаются ежегодные сельскохозяйственные ярмарки, мэр просит концерт. Вот тебе и повод себя проявить. – Она лучезарно улыбалась и смотрела прямо на меня, как будто других людей здесь и не было.

– Но сегодня уже четверг... – растеряно заметила я.

– Ну мы же профессионалы! Номера у нас есть. Спроси, кто что будет исполнять, и составь программу. Если что, Оксана Викторовна тебе поможет. – Она кивнула на мамашу в ромашковых шлепках, та с готовностью подалась вперед. – Шурику скажи, какое тебе нужно музыкальное сопровождение и видеоряд. Я сейчас убегаю в администрацию, уточню, кто будет выступать с докладом. Но конь точно будет. – Последние слова она говорила уже на ходу.

Я жадно впиалась глазами в стопку бумаг в ее руках, ожидая, что она даст какой-то план, репертуар, хоть что-нибудь. Но папки она унесла с собой, так и не выпустив из рук. Ап-

лодисментов я тоже не дождалась. И в голове промелькнула избитая всеми фраза: «Забудь, чему тебя учили в институте». Я сидела, не шевелясь, и только глазами искала спасательный круг. Оксана Викторовна не вызывала никакого доверия. Из оцепенения меня вывели неожиданные объятия Шурика. Он слегка встряхнул меня за плечи и сказал:

– Не дрейфь! Сейчас чаю попьем и быстренько все накидаем. – Я вяло улыбнулась, и мы побрели пить чай.

Остальные тоже начали собираться, и лишь баянист остался на месте, машинально наигрывая задорную мелодию.

За чаем мы с Шуриком обрисовали детали будущего концерта. Я мимоходом спросила, где он учился, на что получила неожиданный ответ – «нигде».

– Как же тебя взяли на работу? – спросила я.

– Да я как-то всегда в технике шарил, вот меня и позвали тут настроить кое-что. Ну я раз настроил, другой, да так и остался. – Шурик говорил об этом так беззаботно, как будто рассказывал о походе в магазин за хлебом.

– А Оксана Викторовна – она кто? Методист?

– Да хрен ее знает! Вообще, она поет, сценарии иногда пишет.

– Ну а образование-то?

– Да нет тут ни у кого образования, – рассмеялся он, – только Светлана Григорьевна музыкальную школу в детстве закончила – гордости полные штаны на всю жизнь.

– Это та, что сопрано?

– Чего?

– Ну высоким голосом поет...

– А! Ну да, она.

Эта информация вновь ввела меня в долгие раздумья. «Какой же концерт выйдет с людьми, у которых нет никаких знаний о культурной деятельности?» – ужасалась я. Стало страшно. Я была уверена, что эта затея обречена на провал и что мне не место в этом поселке, будь он хоть трижды многогородом.

Извинившись, я вышла на улицу и позвонила в департамент культуры. Когда я обрисовала ситуацию и попросила подыскать мне более подходящее место, мне ответили, что других мест пока нет, и вообще, мне нужно набираться опыта. Но если у них что-нибудь появится, тогда, конечно, я буду первая в очереди, а пока извините, надо потерпеть. И еще много-много другой лапши повисло на моих ушах.

Поняв, что у меня нет другого выхода, я решила для начала обойти всех и узнать, что они смогут исполнить на концерте. Оказалось, что у каждого в запасе большой репертуар на любой случай жизни. Тут были песни и о Родине, и о любви, и шуточные, и грустные, и на свадьбу, и на поминки. Короче говоря, я даже немного успокоилась.

Я аккуратно выписала все имена исполнителей, названия их концертных номеров, посчитала хронометраж, составила сценарий, отметила для оператора, какое музыкальное со-

провождение необходимо. Я делала все по высшему разряду. Так, как умела. Так, как нас учили в институте. К концу рабочего дня у меня уже была готова концертная программа. Фантазии для оригинального названия у меня не осталось, и я, скрепя сердце, подписала: «Праздник урожая».

Мои коллеги были уже на низком старте и ждали назначенного часа, чтобы отправиться домой. Я еще раз прочитала свой сценарий и вспомнила слова директора о коне. Конь не вызывал у меня никаких вопросов. В конце концов, какая ярмарка без живого коня? Недолго думая, вставила «Выход коня» в удачное, на мой взгляд, место, сделала пометку: «Музыкальное сопровождение „Любэ – Конь“, на экране – табун лошадей». Закрыла окончательный вариант сценария и мысленно себя похвалила.

В пятницу в Доме культуры была суматоха. До концерта оставался один день. Все искали свои костюмы, правили кокошники, чистили сапоги, на ходу репетируя номера. Утром директор сказала, что на время концерта я тут главная и имею право требовать от артистов все, что захочу. В разумных пределах, конечно. Я понимала, что нам необходима репетиция, но собрать всех в одном месте было невозможно. Коллеги постоянно отмахивались от меня, аргументируя это тем, что они знают номера как свои пять пальцев и что их даже ночью разбуди – споют и станцуют без запинки. У меня опускались руки. Я побрела к Шурику проверить, как обстоят дела с музыкой и видеорядом. Сценарий я отдала ему

еще утром. Однако Шурик выглядел менее дружелюбным, чем при первой нашей встрече.

– Не надо меня торопить, я все сделаю как надо, – отрезал он, как будто я уже достала его с этим вопросом.

Спорить и доказывать было бесполезно. Я поняла, что не имею перед ним никакого авторитета, да и вообще ни перед кем в этом ДК. По пути на свое рабочее место я встретила директрису. Она была чрезвычайно довольной. Мне показалось это странным, учитывая сложившуюся ситуацию.

– Как движется подготовка? – участливо спросила она.

– Ну... – замялась я, не представляя, как сказать, что не справляюсь, – потихоньку, – выдохнула я в итоге.

– Отлично! Может, у тебя есть какие-то вопросы? Не стесняйся, мы всегда друг другу помогаем.

Вообще-то у меня действительно был вопрос. Один, и очень важный. Я так и хотела заорать: «Какого хрена тут происходит?!». Но в слух сказала:

– У нас нет ведущего. Все ведь заняты в концерте как исполнители.

– Проведи сама! Зрители любят новые лица.

Она мне улыбнулась так искренне, что я не посмела возразить и покорно кивнула. Хотя в голове стучало «Нет! Нет! Нет! Нет! Я не могу быть ведущей. Что угодно, только не это!». Я-то знала, что на сцене мой язык становится толстым и неповоротливым и существует в другом временном поясе, нежели мысли.

Весь остаток дня я читала сценарий, старалась заучить каждую букву. Я читала в слух и про себя. Выискивала подходящие интонации. Нервы были на пределе. Меня уже не заботило то, что концертные номера не прорепетированы, теперь меня волновала только своя участь.

Наступил день «икс». Начало концерта было назначено на два часа. С самого утра я ничего не ела. Я никогда не ем, когда волнуюсь. Остальные были безмятежны, как в самый обычный субботний день. Ближе к обеду директор принесла новые микрофоны-гарнитуры.

– Подарок от спонсора, – пояснила она, – сегодня выступаем с ними.

Новость была принята далеко не радостно. Светлана Григорьевна возмущалась больше всех:

– Я это не надену! Это неудобно и непрофессионально! Такие микрофоны созданы никак не для певцов!

На удивление, женщины-альты с ней охотно соглашались и энергично кивали на каждое ее слово. Однако микрофоны были выданы всем. За полчаса до начала ко мне подбежал Шурик, быстро приобнял и пожелал «ни пуха». Дрожь в конечностях увеличивалась с каждой минутой. В зал уже проходили люди, и, похоже, нас ждал аншлаг. Женщина с велосипедом была без велосипеда, потому что сегодня она стала билетером и на ней было темно-синее строгое платье.

И вот я стою за кулисами. Свет, фанфары, аплодисменты, сердце. Первым номером – выступление учеников Детского

Центра со стихами о родном поселке. Поочередно выпускаю детей, попутно их пересчитывая. Семь, восемь, девять... Девять! А в программе значится десять.

– Где педагог? – шепотом закричала я. – Кто отвечает за детей?

Ответа нет. Тем временем дети уже прочитали первые четверостишия.

– Кто-нибудь, найдите педагога! У нас не хватает ребенка!

Не знаю, насколько громко я говорила, потому что в ушах так звенело, что я не слышала себя. Но повисшую на сцене тишину я все-таки услышала. Выглянула из-за кулисы и увидела, что дети в растерянности смотрят друг на друга. Я, сделав глубокий вдох, улыбнулась со всей доброжелательностью, на которую хватает сил, и стала давать детям знаки продолжать, хотя в душе уже не надеялась на хороший исход. Рыжеволосый мальчик поймал мой взгляд, понимающе кивнул и как ни в чем не бывало прочитал строки отсутствующего ребенка.

Поклон, аплодисменты и вздохи умиления послышались из зрительного зала. Кто-то положил мне руку на плечо и сказал на ухо: «Какие молодцы!». Похоже, заминка была небольшая, и ее мало кто заметил. Для меня же она показалась вечностью. И как расценивать эту ситуацию – неудачной, потому что пропал ребенок, или удачной, потому что ловко выкрутились? Решила пока об этом не думать, время покажет.

Объявляю следующий номер. Наше народное трио в сопровождении баяниста чинно выходит на сцену. Пока все идет гладко, и я со спокойной душой покинула кулисы. Около входа на сцену толпятся артисты, среди них и группа из Детского Центра. Я снова пересчитала детей и поняла, что теперь их десять.

– Где же ты был? – спросила я у отсутствующего ребенка чуть грубее, чем хотелось.

– Прятался под скамейкой, – довольно отвечает он.

– Но зачем? – спрашиваю, силясь не заорать.

Ребенок лишь пожал плечами. Я вопросительно посмотрела на педагога, которая тоже отсутствовала в тот ответственный момент. Она кротко мне улыбнулась.

– Дети... – произнесла она таким тоном, что ни один аргумент не может это «дети» перебить.

Мне оставалось только тяжело вздохнуть и принять ситуацию как должное. Так я и сделала, усевшись на ту самую скамейку, под которой прятался отсутствующий ребенок. Следующий номер будет в стык с предыдущим, и у меня есть время отдохнуть и настроиться перед выходом на сцену. Рядом со мной сидела Оксана Викторовна, а ее дочь помогала делать ей прическу. На обеих блестящие платья с пайетками. Дочь, несмотря на свой высокий рост, надела туфли на высоченной платформе. Зато мать все еще в ромашковых шлепках.

– Оксана, переобуйся! – заметила директриса.

– Успею, мне еще не скоро, – отрезали ромашковые шлепки.

– Вот блин! – раздался чей-то голос, и мое сердце, еще не выяснив масштабы блина, тут же застучало, как бешеное.

– Что случилось? – подскочила я с места.

– На колготках стрелка, – с досадой протянула Настя, – мне выходить следующим номером. У тебя нет, случайно?

– Нет, – ответила я уже спокойно, – а нельзя выйти без них?

– Не, я ноги не брила. А это чьи? – Хореограф взяла со стула чьи-то растянутые капроновые колготки.

– Не знаю, – ответила я, пытаюсь побороть отвращение.

– Пофиг, – бросает Настя и натягивает колготки.

Еще мгновение, и звучит вступление к ее номеру. Она с сияющей улыбкой выходит на сцену. Я еще не видела, как танцует эта неуклюжая на вид девушка, поэтому пошла за кулисы, чтобы посмотреть. Начало танца очень плавное и безмятежное. Настя двигалась так грациозно, что ее полнота совсем не бросалась в глаза. Музыка становилась все ритмичнее, а Настины движения более резкими. И вот в разгар кульминации она делает несколько быстрых вращений, и я вижу, как чужие колготки предательски сползают с ее ляжек. Мне стало стыдно, в груди засвербело, краска залила лицо. Ластовица колготок уже спустилась до самых колен. Я украдкой посмотрела в зрительный зал, пытаюсь разгадать обстановку. Зрители улыбались не то от наслаждения, не то от ко-

мичности ситуации. Между тем Настя, не теряя самообладания, сделала разножку – что-то вроде шпагата в воздухе, одновременно с тем незаметно подтянув колготки. И, грациозно приземлившись, завершила выступление. Я в очередной за сегодня раз выдохнула с облегчением.

Вдохновившись Настиным героизмом, я вышла на сцену без тени страха и после пары слов о прекрасном урожае и благодарностей всем рабочим объявила следующий номер. Светлана Григорьевна стояла во всеоружии за кулисами, и я заметила в ее руках радиомикрофон.

– Зачем вам микрофон, у вас ведь гарнитура? – спросила я, проходя мимо.

– Мне так комфортней, – ответила она высокомерно и вышла на сцену. Я, не успев сказать, чтобы она в таком случае сняла гарнитуру, тупо наблюдала, как оперная дива поет в два микрофона одновременно. Пытаясь спасти ситуацию, начала подавать ей немые знаки – в конце концов, один раз это уже сработало. Но не сейчас. Кажется, Светлана Григорьевна успела привыкнуть к гарнитуре и, забыв, что у нее в руках микрофон, стала им размахивать в такт музыке. Я, больше не в силах терпеть этот позор, вышла из-за кулис, по пути наткнувшись на Оксану Викторовну, и самым заботливым тоном спросила:

– Не забудете переобуться?

– Да я что, дура?! – ответила та тоном человека, которому в сотый раз задают один и тот же вопрос.

– Кто там дальше по программе? – спросила меня дочь Оксаны Викторовны.

– Фаина Громова – «Околица», – ответила я.

– А, Фиона, – засмеялась она в ответ, подталкивая маму в бок.

– Почему Фиона? – растерялась я и стала проверять свои записи.

– Да не, это мы так ее зовем между собой. Ну она ж толстая, как Фиона из «Шрека», – разъяснила мне дочь ромашковых шлепок, продолжая смеяться.

Я понимающе кивнула, хотя на самом деле ничего не поняла. Фаина – одна из женщин-альтов, очень приятная на вид, и если полновата, то самую малость. И уж тем более не имеет ничего общего с орками. Хотя тут, наверное, кроется более глубокий смысл.

Продолжая размышлять на эту тему, я вышла на сцену, чтобы объявить следующий номер. Отметила, что наш родной край – самый прекрасный на свете, а у самой в голове, словно кинолента, замелькали фрагменты из мультлика.

– «Околица», исполняет Фиона Громова, – объявила я и тут же осознала свою ошибку. Зрители хлопали и ликовали, как никогда прежде за все время концерта. Уверена, что, если бы не громкая музыка, я бы услышала их насмешки.

Я поспешно ушла со сцены, уступая место Фионе, то есть Фаине. Я уже не понимала, какой вариант все же правильный. В горле стоял ком, мне было невероятно стыдно. Вы-

шла к артистам, едва сдерживая слезы. При виде меня они взорвались дружным хохотом.

– Фаине на глаза лучше сегодня не попадайся, – предостерегла вторая женщина-альт. Все активно закивали в знак согласия. Однако никто меня не обвинил, и стало чуточку легче. Хотя неизбежная встреча с Фаиной-Фионой в конце ее номера все же вселяла страх.

До конца концерта оставалось несколько номеров. «Интересно, где они держат коня?» – думала я, но спросить не успела, потому что нужно было объявить Оксану Викторовну. Я объявила ее из-за кулис, выходить на сцену не было смысла. Тут же встретила с Фаиной – она потрепала меня по плечу и дружески подмигнула. Я подумала с надеждой: «Неужели не заметила?».

Оксана Викторовна уже начала петь. Я решила подождать конца номера вместе со всеми, но тут мой взгляд упал на ромашковые шлепки, которые она все же забыла снять. Рука невольно закрыла лицо.

Сил на панику и терзания уже не осталось. Я спокойно выждала момент, когда Оксана Викторовна повернется в мою сторону, и указала ей на шлепки. Она же, не подавая никаких ответных знаков, просто слегка присела, так, что ее подол прикрыл злополучные шлепки. Я, смеясь, пошла ко всем, чтобы рассказать эту историю. Но, не успев и рта открыть, увидела, что женщина-альт исправляет мою программу.

– Что вы делаете? Что-то не так? – спросила я и уже са-

ма увидела зачеркнутую строчку «Выход коня». – Коня не будет?

– Будет. Только зачем ты так написала? Вдруг увидит, – пояснила она.

– Кто?

– Конь.

– Что? Вы смеетесь? – окончательно запуталась я.

– Ты же тут написала «Выступление мэра», зачем второй раз писать «Выход коня»? – пыталась объяснить Фаина.

– Не понимаю, при чем тут мэр. – Мой мозг усиленно заработал, пытаюсь сложить два и два.

– Дорогая, конь – это мэр. Прозвище у него такое. Ты что, не знала? – с неожиданной заботой сказала Светлана Григорьевна.

– Нет... – безжизненно ответила я, потому что два и два сложились, и я осознала величину катастрофы.

– Да что ты так переживаешь? Ну написала и написала, – попыталась успокоить меня Фаина.

Но было уже поздно. К нам зашел мэр, радушно всех поприветствовал и прошел за кулисы. Я объявила его дрожащим голосом, и на экране появился табун лошадей, а из колонок полилось: «Выйду ночью в поле с конем...». В зале раздались шумные аплодисменты, побив рекорд, установленный перед выходом Фаины-Фионы. Мои коллеги, не отставая от зрителей, тоже захлопали, сопровождая аплодисменты истерическим хохотом. Я была готова под землю про-

валиться. «Столько позора за какой-то час не может вынести ни один человек», – подумала я. Пятиминутное выступление мэра казалось нескончаемым. Со всех сторон то и дело раздавалось ржание, а иногда даже похрюкивание. Воображение рисовало картину, что смеются именно надо мной, с позором изгоняя из своего моногорода.

Настал час расплаты. Концерт закончился, и к нам вышел мэр. Его лицо непоколебимо серьезное. Я закрыла глаза, не в силах больше ждать.

– Достойный концерт, – услышала я голос мэра. – Зритель доволен.

Открыв глаза, увидела протянутую мне руку мэра, робко ответила на его рукопожатие.

– Поздравляю, – сказал он уже не так официально.

«Неужели он не обратил внимание? Или вообще не знает, что его называют конем?» – перебирала я варианты, вглядываясь в его непроницаемые глаза.

– Очень оригинальный подход, – продолжал он и неожиданно подмигнул мне.

«Все он заметил», – подумала я, восхищаясь его дипломатичностью. Тогда я поняла, что профессионализм кроется не в образовании, а в умении видеть сложные ситуации и красиво из них выходить.

– Как тебе дом культуры? Нравится у нас? – спрашивает мэр уже совсем как-то дружески.

– Здесь работают настоящие профессионалы, – ответила

я с неподдельной искренностью и бросила взгляд на своих коллег. Они все улыбались мне, словно родные тетушки.

Когда мэр вышел, мы все заржали. Кажется, я смеялась громче всех. До конца рабочего дня, пока приводили в порядок себя, сцену, гримерку, мы то и дело пересказывали истории про шлепки, колготки, микрофон и, конечно, про коня. И только история про Фаину-Фиону не упоминалась вслух, хотя и была не менее смешна.

– Хочешь, провожу? – сказал мне Шурик, догнав перед выходом. Я не успела ответить, потому что зазвонил телефон.

– Извини, – сказала я Шурику и взяла трубку. Это звонил усатый мужчина из департамента культуры.

– Мы нашли для вас место. Должность не такая высокая, как здесь, всего лишь руководителя любительского объединения, но зато... – начал он учтиво.

– Спасибо, но я остаюсь в моногороде, – перебила его я.

– Что ж, я очень рад, – облегченно сказал мужчина, – творческих вам успехов.

Я положила трубку и посмотрела на Шурика. На его лице застыла нетерпеливая улыбка. Я раскинула руки, ожидая его объятий.

Читайте другие выпуски проекта «Юмор лечит» на Литрес:

<https://www.litres.ru/serii-knig/umor-lechit/>

Приобрести бумажную книгу для коллекции или в пода-

пок:

<https://kraftlit.ru/shop/kоротkie-smeshnye-rasskazy-o-zhizni>

Об авторах

Марат Хасанович Валеев. Автор и соавтор более двух десятков сборников юмористических рассказов и фельетонов, художественной прозы и публицистики, лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов. Член Союза российских писателей. Живет в Красноярске. Страница в сети: www.vk.com/id229084479

Марина Богатырева. Город Краснодар. Руководитель театральной студии и литературного кружка для детей. Пишу детские пьесы, сценарии, рассказы. Публикации: Альманах «Литературный курс» № 7 (интерактивная сказка «Кошки-мышки»); журнал «Художественное слово» (пьеса для детского театра «Ай да Пушкин...»). Страницы в сети: https://www.instagram.com/thematreshka_craft, <https://vk.com/idgoodteam>

Николай Виноградов. Литературой занимается около восьми лет. Бывший моряк, работал радистом на торговых судах, ныне пенсионер.

Алла Французова. «Мне посчастливилось родиться и вырасти в маленьком поселке, расположенном на берегу моря, среди гор, у подножия потухшего вулкана (Слышали –

Коктебель? Приезжайте!). Наверное, эта потрясающая атмосфера напитала меня большой любовью к природе, людям и нескончаемым желанием творить. Я пишу для добра, для улыбки. Если мои истории хоть на секунду согреют теплом душу читателя, то значит все не зря. Значит, не зря мои дети, друзья, родственники и коты, которые не успели убежать или прикинуться спящими, долгими вечерами выслушивают все новые и новые отрывки будущих историй.»

Вера Прокончук. родилась в Томске в 1961 году. Окончила Томский государственный университет, по специальности биолог (цитогенетик). Писать начала уже после пятидесяти лет, в основном для друзей, но увлеклась этим процессом. На данный момент выпустила 2 книги на Ридеро (дамские детективы): «Темные воды минувшего» и «Рецепт тумана со специями». Еще есть страничка на сайте Стихи. ру <https://stihi.ru/avtor/cotikryzh>

Милена Миллинткевич. Писатель, поэт, публицист. Обладатель звания «Золотое перо Руси». Финалист конкурса нон-фикшн произведений «Это Факт» в номинации Бестселлер. Пишет в разных жанрах и стилях. Автор 3 романов, 4 сборников рассказов, 3 сборников стихов, 4 книг для детей, 2 книг в жанре нон-фикшн и 2 иронических поэм.

Виталий Медведь. Работает на Чернобыльской АЭС,

живет в городе Славутич (Киевская область, Украина). Писатель, поэт, художник, фотограф. Базовый литературный опыт основан на коротких рассказах (неоднократный победитель и финалист конкурсов на Самлиб – samlib.ru), а также написании статей для различных интернет изданий (Школа Жизни, h.ua и др.). Опубликовал несколько повестей и фантастических новелл в издательстве «ЛИРА-К». Имеет множество публикаций в различных журналах и сборниках.

Глафира Знаменская. Профессиональный журналист, редактор и многодетная мама.

Михаил Лазарев. 1966 года рождения. Место рождения и проживания г. Москва. По профессии архитектор. Женат, есть взрослый сын. Участник боевых действий, имеет правительственные награды, в том числе диплом Мэра Москвы «За вклад в развитие Москвы». Автор книг: «Хроники Карантина 2020», «Волны забытого лета», «Маша». Номинант на звание «Писатель года 2022» в номинации «Юмор». Номинант на звание «Писатель года 2022» в номинации Дебют года. Номинант конкурса поэзии «Премия им. С. Есенина 2022». Страница на Литрес: <https://www.litres.ru/maksim-lazarev/>

Хорошего настроения!